

СТЕРНОВО ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО ФРАНЦІИ и ИТАЛІИ,

подѣ именемъ

Й О Р И К А,

содержащее въ себѣ :

необыкновенныя, любопытныя и весьма
прогающія приключенія; многія кристиче-
скія разсужденія и замѣчанія, изображаю-
щія истинное свойство и духъ Француз-
скаго народа; нѣжныя чувствованія, пош-
кѣя и оспрыя изреченія, нравственныя и
философскія мысли, основанныя на совер-
шенномъ познаніи человѣческаго сердца, съ
пріобщеніемъ дружескихъ писемъ Йори-
ка къ Элизѣ и Элизы къ Йорику.

Съ Аглинскаго подлинника

перевелъ

Алексѣй Колмаковъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ,

1793 году.

СТЕРНОВО
ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО ФРАНЦІИ и ИТАЛІИ,
ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ЙОРИКА.

ГОРНИШНАЯ ДѢВУШКА.

То, что старый Французской офицеръ произнесъ о путешествіи, приводя мнѣ на память *Полоніевы* совѣшы его сыну, въ разсужденіи путешествія, привело мнѣ на память Гамлета; Гамлетъ привелъ мнѣ на память послѣднія Шекеспировы сочиненія: (*) — для того я возвращаясь домой, остановился на набережной де Конси, чтобъ купить всѣ Шекеспировы сочиненія.

Часть II. А

(*) Шекеспиръ славный Англискій Трагикъ.

Книгопродавецъ сказалъ, что у него нѣтъ ни одного собранія Шекспировыхъ сочиненій. — „Какъ! сказалъ я, взявши въ руки полное собраніе, которе передъ нами лежало на столѣ: — оно, сказалъ книгопродавецъ, прислано ко мнѣ для переплешу, и завтра надобно послать оное, обратню въ Версалію къ Графу де Б

— „А развѣ графъ де Б, сказалъ я, „чишаешь сочиненія Шекспировы? — „О! онъ великій о- „строумъ, ошвѣтсшвовалъ книго- „продавецъ. — „Онъ любитъ Анг- „линскія книги; но что еще больше, „милосшвивый государь, онъ любитъ „шакже и Англичанъ. „Вы сказали „эшо такъ учшиво, говорилъ я, „что „Англичанинъ не можешъ удержашъ- „ся отъ шого, чшобъ неиспрашшшь „въ вашей лавкѣ Луидора или двухъ. Книгопродавецъ мнѣ сдѣлалъ по- клонъ, и еще прѣугошөвлялся ска- зашъ нѣчто: но молодая и благо- присшйно одѣшая дѣвушка, кошо- рая по виду казалась бышь лѣшъ

двѣдцѣти ; но по ея поступкамъ и одеждѣ, казалась бытъ горнишною дѣвушкою какой нибудь набожной модной госпожи, внезапно вошла въ лавку, и спыдливымъ голосомъ спросила: „имѣшь ли у васъ книги подъ „названіемъ : *Заблужденія сердца и „разума* ? — книгопродавецъ немедленно подалъ ей оную книгу. — Она вынула небольшой апласной кошелекъ, обшитый леншочками одинакого цвѣшу ; и вложиши въ него первой и большой палецъ вынула изъ онаго деньги и заплашила за книгу.

Понсже ничего шакого не было, чшобы меня привлекало оспаться въ лавкѣ еще долѣе ; шо я вышелъ изъ оной съ горнишною дѣвушкою вмѣстѣ. — „Какую нужду душишь- „ка ! сказалъ я ей, имѣешь ты въ „*Заблужденіяхъ сердца*, которыхъ „ты, можешъ бытъ, и до сихъ поръ „еще не знаешь, — и можешъ ли ты „чувсшвовашъ скорбь сердечную „еслили любовь, или какой нибудь „въроломный пастухъ прежде не

„научилъ тебя шому? — Можешь ли ты бышь въ шомъ увѣрена? — „Боже меня опъ шого избави!“, сказала дѣвушка. Ты имѣешь на то причину, сказалъ я: сѣя причина очень важная, и жалко, ешьли бы кшо лишилъ тебя оной: она ешь нѣкоторое сокровище для шебя, и лице швое опъ него получаешь больше благородныхъ прелесшей, нежели когда бы оно было убрано драгоценными каменьями.

Дѣвушка всѣ мои рѣчи въ сѣе время слушала съ особливымъ вниманіемъ, держа на лешпочкѣ свой апласный кошелѣкъ. „Эшо самой маленькой кошелѣкъ“, сказалъ я, взявши за исподъ онаго, (она поднесла его къ моимъ глазамъ) — „Да въ немъ и мало денегъ душинька! сказалъ я ей: „но будь сполько же добродѣшельна, сколько ты прекрасна; шо небо наполнишь оный. У меня въ рукѣ нѣсколько было денегъ, которыя я хотѣлъ заплашшь за Шекеспира; и понеже она не сжимала своего кошелька;

то я положилъ въ него одинъ полшинникъ, и завязавши узломъ, опдалъ ей оный обратно.

Дѣвушка поклонилась мнѣ не столько низко, сколько смиренно — поклонъ ея былъ одинъ изъ шѣхъ тихихъ и благодарныхъ поклоновъ, въ кошорыхъ, кажешся, самъ духъ совокупно преклоняется съ шѣломъ: въ то время шѣло токмо изображаетъ поклоненіе духа. Я во всю жизнь мою дѣвицѣ не давалъ полшины, кошорая бы мнѣ сдѣлала удовольствія хопя въ половину того, кошорое я тогда чувствовалъ.

„Совѣшъ мой, душинька! сказалъ я ей, „ничего бы для тебя „неспоилъ безъ маленькаго сего подарка: но шеперь ешъли когда ни „будь взглянешъ на данной мною „шебъ полшинникъ, то конечно меня вспомнишь: для того не испрашь „онато на леншочки.

„Я увѣряю васъ, милоспивый гонударь!, сказала дѣвушка съ рѣшишельнымъ видомъ, что я сего не сдѣлаю. Говоря сіе, какъ обыкновен-

но случается въ небольшихъ переговорахъ, касающихся до чести, она мнѣ подала свою руку. — Право! „милоспивый государь, я положу „эштъ деньги особо, сказала она.

Когда встрѣча муџины съ женщиною бываетъ безъ худыхъ намѣреній; тогда и самыя шайныя ихъ прогулки бываютъ священными: — и шакъ мы, несмотря на то, что было темновало, пошли вмѣстѣ по набережной *де Коити*; сверхъ же того намъ обѣимъ было надобно идти въ одну сторону.

Когда мы пошли отъ лавки, она мнѣ сдѣлала еще другой учпивой поклонъ — и мы еще не успѣли опойши двадцати шаговъ отъ дверей лавочныхъ, какъ вдругъ она ошановилась, будто бы забыла что — сему было причиною то, что она еще хошѣла меня поблагодарить.

Это невеликая дань, сказалъ я ей, кошорую мнѣ необходимо должно было заплашить добродѣтели; и я не повѣрю цѣлому свѣшу, что бы добродѣтель въ семъ случаѣ въ ми-

цѣ ея меня обманула — Я вижу невинность на лицѣ швоемѣ, любезная моя! Горе да будешь человѣку, раставляющему сѣши для невинности!

Я примѣшилъ, что слова мои дѣвушку нѣсколько пронули — она вздохнула изъ глубины сердца — я увидѣлъ изъ лица ея, что не былъ уполномоченъ спрашивать о причинѣ онаго вздоха — и шакъ я ничего о шомъ не говорилъ до шѣхъ поръ, пока мы дошли до поворота въ улицу *де Меверъ*, гдѣ намъ должно было разстаться.

— Эша ли дорога, любезная моя, сказалъ я ей, „къ шракширу *Моденскому*? Она сказала, „эша—вы можете пройти, прибавила она, по улицѣ *де Гвенеголтъ*, въ кошорую надобно было повернуть на слѣдующемъ поворотѣ. — „Такъ я пойду „по улицѣ *де Гвенеголтъ*, любезная моя! сказалъ я для двухъ причинъ: „первое, я сдѣлаю себѣ удовольствіе; второе, моя бесѣда будешь защищать шебя до самаго шого мѣста, до кошораго я могу ишши

„съ шобою.“ Дѣвушка примѣшила, что я былъ учивѣ — и сказала: „я бы желала, чшобѣ шракширѣ Моденскій былъ по дорогѣ кѣ свяшому Петру — „Вы живіоше шамѣ? сказалъ я ей. Она сказала мнѣ, что она горнишная дѣвушка госпожи Р „Боже мой! сказалъ я; „это ша самая госпожа, кѣ кошорой я привезѣ письмо изѣ Амїена. — Дѣвушка сказала мнѣ, что по ея догадкѣ, госпожа Р ожидаетѣ какого шо иностранца съ письмомѣ, и нешерпѣливо желаетѣ его видѣшь — И шакѣ я просилъ дѣвущку, чшобѣ она засвидѣтельствоввала мое почтенїе госпожѣ Р и сказала бы, что я буду кѣ ней навѣрно по ушру.

Мы спокойно шстояли на углу улицы *де Меверѣ* во все шо время, какѣ сіе происходило — Мы послѣ остановились, для шого чшобѣ она книжку подѣ названїемѣ: „*Заблужденїя сердца*“, положила какѣ нибудѣ, удобнѣе, нежели чшобѣ неши ея въ рукахѣ, и проч. — *Заблужденїя сер-*

децѣ были въ двухъ помахѣ: и такъ я для ней держалъ второй томъ, пока она клала первый въ свой карманъ; потомъ она спала держась свой карманъ, и я положилъ второй.

Сладко чувствовала, сколь тонкими нитями связаны были сердца наши.

И такъ мы спали перекладывая книги въ другой разъ — и дѣвушка рука въ третій разъ очутилась подъ моею мышкою — я только что хотѣлъ самъ сказать, чтобъ она положила оную шуда — но она то сдѣлала безъ моей прозбы, и съ такою простотою, которая показывала что она забыла — что никогда меня не видывала прежде. Съ моей стороны я внутренно чувствовалъ, что она была мнѣ близкая родственница; и для того я не могъ удержаться, чтобъ не обернуться къ ней съ стороны, и не посмотрѣшь, не найду ли я въ лицѣ ея сходства съ кѣмъ нибудь изъ моихъ кров-

ныхъ родственниковъ — „Ба! сказалъ я, „да мы родня!

Когда мы дошли до поворота въ улицу Гвенегольшъ, я остановился, чшобъ просшиться съ нею и поблагодарить ей за добрую ея компанію и за все: дѣвушка поблагодарила меня оняшь, и поблагодарила дважды; также и я съ моей спороны не хшѣлъ ей усшупить въ учшившвѣ: и разшаваніе наше было шоль добросердечно и ошкровенно, чшо, ешълибы оно случилось въ другомъ мѣстѣ, то не преминулъ бы оно запечашать нѣжнымъ подѣлуемъ.

Но посліку въ Парижѣ никшо одинъ другаго не цѣлуешъ, кромѣ мушцинъ — я сдѣлалъ шо, чшо все шже на шже навело —

— Я желаю ей шасшія.

ПАШПОРТЪ.

Парижъ.

Когда я возврашился въ шракширъ; шо ла Флеръ вдругъ сказалъ миъ, чшо меня спрашивалъ полицей-

ской Офицеръ. Чортъ его возми! ска-
 ,,заль я; знаю шому причину — Те-
 перь уже время чашашеля о семъ увѣ-
 домить: пошому что я не упомянулъ
 о семъ тогда, когда порядокъ требо-
 валъ — не пошому, что забылъ; но по-
 шому, что естли бы упомянулъ тогда,
 то забылъ бы шеперь — шеперь
 же и время для шого самое способное.

Я оставилъ Лондонъ съ шакою
 шоропливостію, что мнѣ даже въ
 голову не пришло, что мы въ войнѣ
 были съ Франціею; и не прежде то
 вспомнилъ, какъ уже прѣхавши въ
 Доверъ, посмошрѣлъ сквозь мою при-
 близительную шрубку на горы, ле-
 жащія за Булонемъ. Сіе тошчасъ
 привело мнѣ на память, что до горъ
 шѣхъ никакимъ образомъ невозможно
 доѣхашь безъ пашпорта. Я смер-
 шельно не люблю ворочашься домой
 шолько же умнымъ, сколько умѣнъ
 пошелъ, хотя бы то было съ кон-
 ца моей улицы; и вонеше это естъ
 самое большее усиліе, какое я шоль-
 ко когда нибудь дѣлалъ; и пошо-
 му всего для меня скучнѣе имѣшь

въ томъ неудачу: и шакъ услышавши, что Графъ Де нанялъ пакешъ бошъ, я попросилъ его, чтобъ онъ взялъ меня въ свою свиту. Графъ нѣсколько зналъ меня, для того безъ малѣйшей, или лучше сказать безъ всякой ошговорки согласился на мое предложеніе — только прибавилъ, что онъ не можешъ мнѣ услужить далѣе, какъ до Кале, пошому что ему должно было возвращаться въ Парижъ чрезъ Бриссель; какъ бы шо нибыло, говорилъ онъ, вы можете изъ Кале въ Парижъ проѣхать безъ всякой остановки; только долженъ шамъ сыскать себѣ пріятелей и покровителей — Хорошо, господинъ Графъ, сказалъ я, лишь мнѣ бы только бытъ въ Парижѣ; — я дѣло все исправлю. И шакъ я сѣлъ съ Графомъ на пакеш-бошъ и больше не думалъ о пашпортѣ.

Когда *ла Флеръ* сказалъ мнѣ, что полицейской офицеръ меня спрашивалъ — тогда пашпортъ вдругъ опяшь возвратился въ мою голову.

— Въ то время, въ которое и одинъ *Ла Флеръ* могъ бы рассказать дѣло, хозяинъ шракшира пришелъ въ мою горницу сказать тоже — прибавя только, что о моемъ паспортѣ особливо спрашиваютъ. Хозяинъ шракшира заключилъ шѣмъ, что онъ надеется, что я имѣю паспортъ — „О другъ мой! право его нѣшу, ска- залъ я.

Какъ я выговорилъ это, то хозяинъ опсупилъ отъ меня шага на три, какъ будто отъ зараженного моровою язвою человека — *Ла Флеръ* подошелъ ко мнѣ шага на три и съ такою пріятною поспуью, съ какою обыкновенно подходитъ добрая душа, чтобы пособить несчастному — *Ла Флеръ* привязалъ къ себѣ чрезъ то мое сердце; и изъ одного онаго поступка, я такъ совершенно узналъ характеръ его, и такъ бы швердо на оный могъ положитьсь, что, хотябы онъ служилъ мнѣ семь лѣшъ, я бы не могъ сдѣлать больше.

Милосливый государь! воскликнулъ хозяинъ шракшира — но опамяшовавшись, что онъ сдѣлалъ восклицаніе, вдругъ перемѣнилъ свой голосъ — „Естьли вы, милосливый государь, неимѣете пашпорша, то вѣрояшно, что вы имѣете прѣшелей въ Парижѣ, кошорые могушъ вамъ покровишельсшвовашъ и досташъ для васъ пашпоршъ.—Ни одного, сколько я знаю, сказалъ я съ холоднымъ видомъ—Ну такъ безъ сомнѣнїя, сказалъ онъ, вы будете отосланы въ Басшилю, или по крайнѣй мѣрѣ въ Шашелешъ! — „Фу! сказалъ я, Король Французской добрый человекъ — онъ не захочешъ ни кого обидѣшъ. *Это не лѣшаетъ*, сказалъ онъ—Вы точно будете отосланы въ Басшилю завтра поушру. — Но я нанялъ у тебя кварширу на мѣсяцъ, опвѣшсшвовалъ я, и прежде испеченїя мѣсяца я не осшавлю оной для всѣхъ Королей Франціи. *Ла Флеръ* шепнулъ мнѣ — что никто не можешъ прошивишъся Королю Франціи.

Право, сказалъ мой хозяинъ, эши господа Англичане чрезвычайные люди! — сказавши это и поклявшись въ шомъ, вышелъ.

ПАШПОРТЪ.

Трактиръ въ Парижѣ.

Я не могъ быть сполько жестокосердъ, чшобы мучить *ла Флера* задумчивымъ видомъ о моемъ запущанномъ положеніи, что и причиною было того, что я еъ семъ случаѣ поступилъ шель ошважно: для того, чшобъ показашъ ему, сколь сіе мало меня беспокоишъ, я переспалъ о шомъ говорить; и за ужиномъ говорилъ ему съ большею, нежели обыкновенною веселосшїю о Парижѣ и о *Колитеской оперѣ*. — *Ла Флеръ* былъ самъ шакже въ оперѣ и шель за мною по улицамъ до самой книжной лавки; но увидѣвши, что я вышелъ изъ оной съ молодою *горнишного дѣвчшкою*, и что мы вмѣшъ съ нею пошли по набережной де Конши, онъ разсудилъ, что не нужно за

мною далѣе слѣдовашь—и такъ онѣ по мыслямъ своимъ взялъ ближайшую дорогу—и въ пору пришелъ въ шпактиръ освѣдодиться о полицейскомъ дѣлѣ, въ разсужденіи моего прѣзда.

Какъ скоро добродушный ла Флеръ пошелъ отъ меня, чшобъ самому поужинашь; тогда я началъ разсуждашь поважнѣе о моемъ тогдашнемъ положеніи.

—, Я знаю, мой любезный Евгений! чшо ты будешь смѣяшься, ,вспомня корешкѣй разговоръ, кошорый происходилъ между нами во ,время пригошвленія моего къ ошбъ, ,ѣзду; — я долженъ шебъ повшорить ,оный въ семъ мѣстѣ.

Евгеній вѣдая, чшо я сполько же мало заботился о деньгахъ, сколько и мыслями безпокоился, отвелъ меня на сторону, чшобъ спросить, много ли я взялъ съ собою денегъ: когда онѣ узналъ о всей суммѣ; шо покачавши головою, сказалъ, чшо шого мало; и вынулъ свой кошелекъ съ намѣреніемъ, чшобъ опорожнить его

вѣ мой — Право, Евгеній! „я взялъ до-
вольно, сказалъ я. — „Ей Йорикъ,
„тебѣ будетъ мало! опшѣшспвóвалъ
„Евгеній — Я знаю Францію и Испа-
„лію лучше себя. — Но ты того
„не разсуждаешь, Евгеній, что я
пріѣхавши вѣ Парижѣ вѣ три дни
поспараюсь что нибудь сказашъ,
или сдѣлашъ, за что меня посадятъ
вѣ Басшилію, гдѣ я около двухъ мѣ-
сяцевъ проживу совершенно на ижди-
веніи Короля Французскаго. — Про-
шу извинишъ, сказалъ сѣ неудоволь-
спвіемъ Евгеній, я право позабылъ
это убѣжище.

Теперь событіе приключенія,
надѣ копорымъ я смѣялся, пришло
къ дверямъ моимъ сѣ важностію.

Дурачество ли или небреженіе
или Философія, или упрямство —
или что другое было причиною, —
я самъ не знаю, что когда *ла Флеръ*
пошелъ вѣ кухню, а я осшался одинъ,
не могъ принудишъ себя думашъ и-
нако о Басшиліи, какъ говорилъ Ев-
генію? — Что касается до Басши-
ліи, то весь ужасъ оной состоишъ

вѣ одномѣ словѣ: *Бастилія!* — какѣ шы ни назови ее, сказалѣ я, она не что иное естѣ, какѣ другое имя *Товера* (*) — Тонерѣ другое имя такому дому, изѣ котораго не можно вышши — Какое щастіе для шѣхѣ, которые спраждушѣ подагрою! „— ибо они дважды вѣ годѣ оною спраждушѣ — съ девашью *ливрами* вѣ „день, съ перомѣ и чернилами, съ „бумагою и шерпѣнїемѣ, хошя чело„вѣкѣ и не можетѣ вырваться вонѣ, „однако онѣ можетѣ хорошо провож„дашь дни свои внушри — Покрай„нѣй мѣрѣ мѣсяцѣ или шесшь не„дѣль, по изшеченїи котораго вре„мени, естѣли онѣ непороченѣ, оп„крываешся его невинношть, и онѣ „выходишѣ лучшимѣ и разумнѣй„шимѣ, нежели вшелѣ.

Я имѣлѣ нѣкоторую причину (шолько позабылѣ какую) вышши на дворовую площадку вѣ шо время, когда я приводилѣ вѣ порядокѣ сей щешѣ; и помню, что я сходилѣ по

(*) Тюрѣма вѣ Англїи.

лѣспницѣ съ немалымъ поржествомъ, ушѣшаясь своимъ разсужденіемъ — Вынь, сказалъ я съ щеславіемъ, *легальное* перо — по тому что я не завидую его силѣ, кошорая изображаетъ зло жизни толь грубыми и ужасными красками. Духъ ужасается, взирая не предметы, кошорые онъ самъ увеличилъ и очернилъ: приведи ихъ въ подлинный ростъ, и покрой собсвенною ихъ краскою, шо духъ и не увидишь оныхъ. — Правда, сказалъ я, поправляя предложеніе, Башилія не шакое зло, кошорое должно презирашь — но опни ми у ней башни — засыпь ровъ — сокруши желѣзныя у дверей рѣшешки — назови ее просно заключеніемъ, и сочши, что она есть ширанинъ нѣкошораго припадка, а не человѣка, мучащій, и невыпускаешъ изъ стѣнъ своихъ, шогда все зло исчезнетъ, и шы будешъ въ половину меньше жаловашься на все, что шы шерпишь.

Въ самомъ жару сего моего разговора съ самимъ собою, я останоуленъ

былъ голосомъ, который я почелъ за голосъ младенца, который жаловался, что не можетъ вырваться, крича: „я не могу вырваться. Я смотрѣлъ въ верхъ и въ низъ по лѣспницѣ, и не видя ни мушины, ни женщины, ни младенца, пошелъ вонъ безъ малѣйшаго вниманія.

Идучи назадъ, я услышалъ дважды шопъ же самый голосъ; я посмотрѣлъ въ верхъ и увидѣлъ, что то былъ скворецъ, заключенный въ маленькой клѣшкѣ — „я не могу вырваться — „я не могу вырваться! кричалъ скворецъ.

Я стоялъ, смотря на ппичку: она шрепеша крылышками, бросалась ко всякому проходящему человеку, съ равнымъ съшованіемъ о своемъ плѣнѣ — *я немогу вырваться*, кричалъ скворецъ — да поможетъ тебѣ Богъ, говорилъ я: — я тебѣ выпущу, чего бы мнѣ по ни стоило. И такъ я обошелъ клѣшку, чтобъ сыскашь дверцы — но я нашелъ, что они были такъ крѣпко переплешены проволокою, что способу не

было отворить, не разломавши клѣшки въ куски — и шакъ я принялся за нее обѣими руками.

Пичка кинулася къ тому мѣсту клѣшки, гдѣ я спарался освободить ее, и всунувши въ рѣшетки свою голову, билась обѣ оныя грудь, какъ будто отъ нешерпѣнїя — я опасюсь, бѣдная шварь, что я не могу освободить себя — Нѣшъ, я не могу вырваться — я не могу вырваться! прокричалъ скворецъ.

Я клянусь, что чувствительность и сожалѣнїе моего сердца никогда шоль нѣжно не пробуждались, какъ въ сіе время; и не помню приключенїя въ моей жизни, въ которое бы разсѣянные разумомъ мои мысли шакъ скоро возвратились въ душу. Сколь ни механическія были ношы; однако шакъ согласно съ природою во внутренности моей были пѣшы, что въ едино мгновенїе всѣ мои Систематическія о Басилїи разсужденїя опровергли, и я съ шяжесшїю на сердцѣ шелъ въ верхъ,

говоря все прошиву того, что говорилъ идучи на низъ.

Рабство въ какое ты ни одѣвайся плашье, всегда будешь *рабство!*
 „сказалъ я — „Всегда будешь горькая чаша, изъ которой хотя тысящи во всѣхъ вѣкахъ принужденны были пить; однако же горестъ швоя отъ того ничѣмъ не умалилась. — Это ты, шрикрашъ вожделѣнная и милосшивая богиня! обращающая рѣчь мою къ *Волъности* — Ты, которой всѣ ошкровенно и явно поклоняются, которой вкусъ прѣшенъ и всегда прѣшенъ перебудеть, доколѣ природа не перемѣнится! — Никакія черныя слова не могушъ запяшишь швою, бѣлѣйшую снѣга хламиду; никакая химическая сила не можешъ скипешрѣ швой преобращишь въ желѣзо — съ Тобою пашухъ шасшавѣе своего Монарха, изъ двора котораго Ты изгнанна, ешъли ты смошря на него, когда онъ ѣшъ сухарь свой, улыбаешся. — Милосердый Боже! воскликнулъ я, преклонивши свои ко-

лѣна на предпослѣдней ступени восхода —, подай мнѣ шолько здравіе, о шы великій подашель онаго, и „дай мнѣ вѣ соупницу сію пре- „красную Богиню — и низпосли „вѣнцы, ешьли угодно божествен- „ному швоему промыслу, на главы „шѣхѣ, кошорые оныхѣ жаждущѣ.

ПЛѢННИКЪ.

Парижѣ.

Я взялъ пшичку вѣ клѣткѣ съ собою вѣ мою горницу, сѣлъ близѣ стола, облокошилсѣ на оный и полага голову на руку, спалѣ представляшѣ себѣ бѣдствія заключенія. Я былѣ шогда вѣ пристойномѣ кѣ шому положеніи: для шого далѣ полное спремленіе моему воображенію.

Я было хощѣлъ начашѣ миліонами моихѣ собратій, родившихсѣ кѣ единому наслѣдію рабства; однако же сколь ни шрогашельна была каршина, я не могѣ ее кѣ себѣ приблизить, и множество лицѣ на

оной, только развлекало мое вниманіе. —

— Я взялъ одного плѣнника, и заключивши его сперва въ шемницу, смошрѣлъ на него сквозь рѣшетчатые двери, (сквозь кои проходилъ только слабый свѣтъ,) чтобъ снять съ него картину.

Я видѣлъ его шѣло долгимъ ожиданіемъ и заключеніемъ изнуренное, и едва на шѣло похожее; и почувствовалъ, какой родъ болѣзни сердца раждается отъ надежды оплагаемой; поглядѣвши ближе, увидѣлъ, что онъ былъ блѣденъ; и какъ бы въ лихорадкѣ: шриццать лѣтъ дыханіе западнаго вѣтра не согрѣвало его крови — онъ не видалъ ни солнца ни луны во все то время — не входилъ къ нему голосъ друга или сродника — его дѣшей —

Но здѣсь мое сердце начало обливаться кровью — я принужденъ былъ продолжать другую часъ портрета.

Онъ въ дальнѣйшемъ углу своей шюрмы сидѣлъ на землѣ; подъ нимъ

было нѣсколько соломы , кошорая попеременно служила ему шо скамью, шо посшелею: маленькѣй календарь , сдѣланный изъ небольшихъ палочекъ , лежалъ въ головахъ его , кошорый весь покрышъ былъ мѣшками , означающими печальные дни и ночи , кои онъ провелъ шамо — онъ держалъ въ рукахъ одну изъ сихъ палочекъ , на кошорой заржавѣвшимъ гвоздемъ замѣчалъ еще одинъ день своихъ бѣдствѣй , чшобы присовокупить его къ кучѣ прошекшихъ.

Понеже я заслонялъ ему и шотъ малый свѣшъ , кошорый къ нему доходилъ; шо онъ возвелъ свой опчаянный взоръ и обрашя его къ дверямъ , опяшь опушилъ — покачалъ головою и началъ продолжашъ свою работу сшраданѣя.

Я слышалъ звукъ цѣпей на ногахъ его , когда онъ повернулся положить свою палочку на связку оныхъ — онъ вздохнулъ изъ самой глубины сердца — я видѣлъ, чшо желѣзо проходило душу его — я залился

слезами — и не могъ взглянуть на каршину, которую мое воображеніе начерпало — я вскочилъ со стула, и кликнувши ла *Флера*, приказалъ ему заказать дорожную карешу, и чшобъ она была по ушру у дверей шракшира.— „Я пошчасъ самъ пойду, сказалъ я, къ Герцогу де Шоазелю.

Ла *Флеръ* хотѣлъ меня положить въ постелю, но я не хотѣлъ, чшобъ доброе его сердце пронвилось скорбію, увидя чшо нибудь прискорбное на моемъ лицѣ — я сказалъ ему, чшо самъ лягу въ постелю — и ему приказалъ сдѣлать поже.

СКВОРЕЦЪ.

Дорога въ Версалію.

Я сѣлъ въ мою дорожную карешу въ шшъ самый часъ, въ кошорый обѣщаль: ла *Флеръ* сшалъ на зади, и приказалъ кучеру, чшобъ какъ можно скорѣе ѣхаль въ Версалію.

Поелику на сей дорогѣ, по крайней мѣрѣ не было ничего шакого, чего я смошрю въ моемъ пушеше-

спвѣи; но я ничемъ не могу наполнишь пустое сіе мѣсто, какъ крапкою повѣспію о тойже самой пшичкѣ, кошорая была предметомъ предыдущей главы.

Между шѣмъ, какъ высокопочтенный господинъ . . . , дожидался вѣшру въ Доверъ, помянушая пшичка была поимана, прежде нежели могла хорошо лешать, Англинскимъ парнемъ, кошорый служилъ у него при лошадяхъ; парень не хопѣвши убишь ее, взялъ въ пазуху съ собою на пакешбошъ — и понеже онъ кормилъ ее, и взялъ однажды ее въ свое покровишельство: шо дни чрезъ два полюбилъ ее, и довезъ съ собою въ Парижъ.

Въ Парижѣ онъ купилъ для нее за ливрѣ не большую клѣшочку, и понеже пять мѣсяцевъ, кошорые въ Парижѣ пробылъ его господинъ, ему нѣчего было дѣлать, шо онъ выучилъ ее говорить на природномъ своемъ языкѣ чешыре просшыя слова — (и больше ничего) — за что я признаю себя ему много обязаннымъ.

Когда господинъ Парневъ отпра-
влялся, то онъ оставилъ ее хозяи-
ну шракшира — но сія пѣсня пѣта
на неизвѣстномъ языкѣ въ Парижѣ;
для шого пшичка досшала мало, или
совсѣмъ ничего — и шакъ ла *Флеръ*
купилъ ее для меня за бушылку
Бургондскаго вина и съ клѣшкою.

Возвращаясь изъ Италіи, я при-
везъ ее съ собою въ землю, на язы-
кѣ которой она пѣшь научилась —
и когда я рассказалъ о ней повѣсть
Лорду А, Лордъ А выпросилъ ее у
меня — черезъ недѣлю Лордъ А —
опдалъ ее Лорду Б — Лордъ Б. По-
дарилъ Лорду С —, Лорда С — го-
сподинъ продалъ ее Лорду Д — за
Шилингъ — Лордъ Д — опдалъ Лор-
ду Е — и шакъ далѣе до половины
азбуки — опъ вышнихъ чиновъ она
переходила къ нижнимъ, и наконецъ
попалась въ руки мѣщанъ — но по-
неже всѣ сіи старались *ворваться*
— а моя пшичка хошѣла вырваться;
шо она получила столько же въ Лон-
донѣ, сколько и въ Парижѣ.

Нельзя спшаться, чшобъ многіе

изъ моихъ чашапелей не слышали о ней; и есѣли кшо по нѣкошорому случаю видѣлъ оную — по я прошу позволенія увѣдомишь ихъ, что шапичка, была моя пшичка — или какое нибудь худое подобіе предсшавлено было вмѣсто ея.

Я ничего не могу больше приба-вишь о сей пшичкѣ, какъ то, что я помѣшилъ оную въ свой гербъ — и пусть герольдскіе офицеры свернушь ей шею, ежели смѣюшь.

ПРИСТУПЪ.

Версалія.

Я не люблю, чтообъ непріятель мой видѣлъ мою душу въ то время, когда я хочу искашь покровительсшва у какого нибудь человѣка; для шого я вообще спараюсь покровительсшвовашь самъ себѣ: но здѣсь должно было просишь господина Герцога Ш. . . да и по нуждѣ — есѣли бы я эшо дѣлалъ произвольно, то думаю, что такъ же бы сдѣлалъ, какъ другіе.

Сколько подлыхъ способовъ, какъ приступишь къ Герцогу, воображало раболѣпное мое сердце, ѣдучи по дорогѣ въ Версалю — я за каждый изъ нихъ доспойнѣ былъ Баспилии.

Когда Версалія была въ виду моемъ, тогда уже мнѣ нѣчемъ было больше заботиться, какъ слагашъ слова и мысли вмѣшѣ, и выдумывашъ приспойныя положенія шѣла и ударенія голоса, чшобы вкрасѣся въ милость господина Герцога Ш — „Эшо хорошо будетъ, сказалъ я; — но вдругъ опомнившись, увидѣлъ, что эшо сполькожѣ хорошо будетъ, какъ есшли бы поршной принесѣ кавшанѣ, сдѣланной безъ сниманія мѣрки — Дуракъ! сказалъ я самъ себѣ, „посмотри сперва на Герцогово лице — примѣшь, какой характеръ начерталъ на ономъ — въ какомъ положеніи шѣла онѣ приговоряется шебя слушашъ — замѣчай движеніе и выраженія его шѣла и членовъ — Ударенію словъ, какое должно взяшь, научишь первое произнесенное имѣ слово — Изъ

„всѣхъ сихъ обстоятельствъ ты можешь составить учивый причесупъ, который конечно понравится — по тому, что всѣ матеріалы къ тому онъ подалъ самъ; для того вѣроятно, что и пройдутъ.,,

„Хорошо, сказалъ я; я бы желалъ, чтобы все это хорошо прошло! — „Опяшь шрусись! какъ будто бы человекъ на человека не былъ похожъ во всемъ свѣтѣ; „если мы встрѣчаемся смѣло въ военномъ полѣ, — для чегожъ не такъ и въ кабинетѣ? И повѣрь, „Мнѣ Йорикъ, гдѣ это бываетъ не такъ, тамъ человекъ самъ себѣ обманщикъ, и десятъ кратъ бываетъ предашелемъ, гдѣ природа бываетъ только однажды. Поди къ „Герцогу Ш. . . . съ изображеніемъ „Баспиліи въ швоемъ видѣ — я „жизнью клянусь, что ты чрезъ „полчаса будешь посланъ назадъ въ „Парижъ!.,

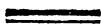
„Я думаю такъ, сказалъ я, — „и такъ я, право! пойду къ Герцо-

„гу, съ самымъ смѣлымъ и веселымъ видомъ.,,

— „Вошѣ ты опять ошибся ошвѣшсшвовалѣ я; спокойное сердце Йорикѣ не предаешся ни какой крайности — оно всегда наблюдаешѣ средину. — Хорошо, хорошо! воскликнулѣ я въ шо время, когда жучерѣ повернулѣ кѣ ворошамѣ; я вижу, что все исправно будешѣ. И между шѣмѣ, какѣ онѣ обѣѣхалѣ и привезѣ меня кѣ дверямѣ, я примѣшилѣ, что уроки, которые я самѣ себѣ по дорогѣ давалѣ, привели меня въ лучшее сосшоянїе; я восходилѣ на лѣстницу не шакѣ, какѣ ведомая на судѣ жершва, кошорая должна разшашься съ жизнию на верхней спупени; но и не шакѣ же веселился, какѣ когда я лечу видѣшьяся съ шобою, *Елиза!*

Какѣ скоро я вошелѣ въ двери залы, шо меня встрѣшилѣ человекѣ, кошорый можешѣ бышѣ былѣ управшелѣ дому, но по виду его онѣ былѣ одинѣ изѣ *подсекретарей*, кошорый сказалѣ мнѣ, что Герцогѣ Ш . . .

заняшѣ. — „Я совершенно незнаю обрядовѣ, сказалъ я, копорые должно наблюдать, чшобы допущену бышѣ на аудіенцію: по тому чшо здѣсь я впервые; а чшо еще хуже, по спеченію обшояшельствѣ, я сверхѣ шого Агличанинѣ. — Эшо, опвѣпшвовалъ онѣ, не умножаетѣ шрудности. — Я сдѣлалъ ему не большой поклонѣ — и сказалъ, чшо я имѣю нѣчшо важное сказать господину Герцогу. Секретарѣ посмошрѣлѣ кѣ лѣстницѣ, какѣ будшо хощѣлѣ меня остановишѣ, чшобѣ доложишѣ обо мнѣ, незнаю кому — „Но я не долженѣ привести васѣ „вѣ замѣшательство, сказалъ я, — „ибо шо, чшо я имѣю сказать, не „великой важности для господина „Герцога Ш . . . — но великой важности для меня самаго., — *это дѣло другое, отвѣтствовалъ онѣ* — никакѣ, сказалъ я, для благороднаго чшловѣка — „Однако пожалуйте, милоспивый государѣ! продолжалъ я, скажише, когда иносшранецѣ можешѣ надѣяшѣся имѣшѣ *достулѣ* ?

не прежде, какъ черезъ два часа, сказалъ онъ, по смотрѣвши на свои часы. Множество каретъ передъ дворцомъ заславляли думать, что его вычисленіе было справедливо такъ, что я не могъ надѣяться допущенъ бытъ ближе того времени— Ходя взадъ и впередъ по залъ и не имѣя ни одной души въ оной, съ кошорою бы могъ вступитъ въ разговоръ, я почелъ мое положеніе столько же худымъ, какъ бытъ въ самой Басшилїи на толикоежъ время; для того я пошелъ обратно къ моей каретѣ и приказалъ себя везти къ *Кадранъ Блѣ*, кошорый былъ ближайшій практиръ отъ дворца.

Я думаю, что есть нѣкое дѣйствіе рока въ слѣдующемъ — я рѣдко дохожу до того мѣста, куда пойду.

КОНФЕТЧИКЪ.

Версалїя.

Я не прошелъ еще половины улицы, какъ уже перемѣнилъ свое

намѣреніе. Какъ я шеперь въ Версаліи, думалъ я, по могу посмотришь городъ. И такъ я дернулъ за веревочку, и приказалъ кучеру провезши меня по одной изъ главныхъ улицъ — „Я думаю, что городъ не очень великъ, сказалъ я. Кучеръ просилъ у меня прощенія, что онъ выведетъ меня изъ ошибки, и сказалъ, что это великолѣпной городъ, и что многіе изъ первыхъ Герцоговъ, Маркизовъ и Графовъ имѣютъ въ немъ свои дома — Графъ де Б . . . , о которомъ книгопродавецъ на набережной де Конши, за ночь прежде говорилъ съ такою похвалою, вдругъ пришелъ мнѣ въ голову. „И для чего мнѣ не пойди, подумалъ я, къ Графу Б . . . , который имѣетъ шоль высокое мнѣніе объ Англинскихъ сочиненіяхъ, и о самихъ также Англичанахъ — и не расскажешь ему моего приключенія? И такъ я перемѣнилъ мое намѣреніе въ другой разъ — а по правдѣ скажешь, уже и въ шретій; по тому, что я намѣренъ былъ того

дня бышь у госпожи де Р . . . въ улицѣ свяшаго Пешра , и вѣрное далъ ей слово черезъ горничную дѣвушку , что я непременно къ ней сего дня поущру буду — но мною управляющѣ обшояшельства — а не я управляю ими — И такъ увидя человекъ стоящаго съ корзинкою на другой сторонѣ улицы , какъ будто бы онъ нѣчто продавалъ , я приказалъ *ла Флеру* пойди къ нему и спросишь , гдѣ графскій домъ .

Ла Флеръ возвратился весь поблѣднѣвши и сказалъ , что это Кавалеръ св. Людовика , и продаетъ конфекшы . „Можно ли спашься , *ла Флеръ* ? ” сказалъ я — *ла Флеръ* и самъ не могъ найти причины сему явленію , такъ какъ и я ; однако же упорно споялъ въ сказанномъ имъ , и говорилъ , что крестъ былъ оправленъ въ золопо и висѣлъ на красной леншѣ , привязанной къ пешлицѣ — и что онъ смошрѣлъ въ корзинку и видѣлъ конфекшы , кошорые Кавалеръ продавалъ — для того онъ не могъ въ семъ обмануться .

Такая превращенность въ человеческой жизни пробуждаетъ въ душѣ лучшія начала, нежели какія пробуждаетъ любопытство: я не могъ удержаться, чтобъ не посмотришь на него нѣсколько времени сидя въ карешѣ. — Чѣмъ больше на него смотрѣлъ, тѣмъ сильнѣе впечатлѣвались въ мозгу моемъ его крестъ и корзинка — я вышелъ изъ карешы и пошелъ къ нему.

Онъ былъ перевязанъ чистымъ передникомъ, кошорой висѣлъ ниже колѣнъ его, и имѣлъ нѣкошорый родъ набрюшника, кошорый простирался до половины груди его; на семь набрюшникъ не много по ниже подгрудника висѣлъ его *крестъ*; его корзинка съ разными конфекшами, была покрыша бѣлою Дамасковою салфешкою; другая шакаяжъ была подслана подъ конфекты, и все вокругъ него было такъ чисто и благоприсшойно, что конфекты его можно покупашъ сколько оубъ аппешису, сполько же оубъ чувствованія. Онъ никому оныхъ не подносилъ,

но стоялъ спокойно съ ними на углу шракшира, для желающихъ купить безъ его прозбы.

Онѣ былѣ около сорока восьми лѣтъ — имѣлъ постоянный видѣ, кошорый нѣсколько приближался къ важному. Я не удивлялся — я шелъ болѣе къ корзинкѣ, нежели къ нему — поднявши салфешку, взялъ одинѣ изъ его конфектовѣ въ мою руку — просилъ его изъяснить мнѣ свою виѣшность, кошорая меня шрогала.

Онѣ мнѣ сказалъ въ короткихъ словахъ, что большая часть его жизни прошла въ военной службѣ, въ кошорой, по издержаніи не большаго наслѣдства, и чрезъ нѣсколько походовѣ онѣ получилъ и крестѣ. Но полкѣ его, по заключеніи мира, былъ уничтоженѣ, и цѣлый корпусѣ съ нѣкошорыми полками другихъ нѣкошорыхъ корпусовѣ, оставленѣ безъ провизіи; онѣ нашелъ себя въ пространномѣ мѣрѣ, безъ прѣшелей, безъ ливра — или лучше сказашъ безъ всего, кромѣ сего —

(указывая, какъ онъ говорилъ, на крестъ свой) — Бѣдный Кавалеръ возбудилъ во мнѣ сожалѣнiе къ себѣ; оканчивая сщѣну, приобрѣлъ также и почтенiе.

Король, сказалъ онъ, былъ одинъ изъ щедрѣйшихъ государей; но щедролюбiе его не могло облегчить или наградить всякаго; и это только одно мое несчастiе, что я оспался въ числѣ не награжденныхъ. Онъ сказалъ, что имѣетъ любимую имъ жену, которая дѣлаетъ конфекты; и прибавилъ, что онъ никакого безчестiя не чувствуетъ, защищая ее и себя отъ недоспашка, симъ способомъ — и почувствовалъ бы развѣ тогда, когда бы провидѣнiе послало ему лучшій.

Умолчать о томъ, что случилось съ бѣднымъ Кавалеромъ св. Людовика, около девяти мѣсяцовъ послѣ, было бы столь же незаконно, какъ и не радоваться добру другаго.

Кажется, что онъ обыкновенно спавалъ близъ желѣзныхъ воротъ, сквозь кошоры ѣздящъ ко дворцу; и понеже его крестъ при-

мѣшенъ былъ многимъ глазамъ, по многіе предлагали ему такіе вопросы, какъ и я — Онъ рассказывалъ имъ шже, что мнѣ, и съ такою скромносцію и благоразуміемъ, что наконецъ дошло шо до ушей Королевскихъ — Король услышавши, что Кавалеръ былъ храбрый офицеръ, и ошъ всего полку почиаемъ былъ за человекъ, сохраняющаго честь свою. — Кавалеръ оставилъ свой маленькій шоргъ ошъ пенсіи по тысячи пяти сошъ ливровъ въ годъ.

Поелику я эшу повѣсть сказалъ для шго, чтошбъ сдѣлать удовольствіе читателю; шо прошу позволишь мнѣ сказать другую, другаго рода, для собственнаго моего удовольствія — двѣ сіи повѣсти шакъ одна другую объясняющъ — что разлучишь ихъ жалко.

ШПАГА.

Рениъ.

Когда Государства и Имперіи и-мѣющъ свои очереди къ паденію, и по-

перемѣнно испытываютъ несчастіе и нищету — я не останавливаюсь съдѣсь, чтобъ разсказать причины, которыя поспешенно привели домъ д'Е въ Брешаніи къ паденію. Маркизъ д'Е воевалъ не по своему состоянію, съ великимъ мужествомъ, желая сохранить и показать еще свѣшу малые остатки того, чью предки его были. — Ихъ неоспорожность опияла у него къ помянутому предпріятію силы. Довольно было оставлено для малыхъ нуждъ низкаго состоянія — Но онъ имѣлъ двухъ сыновъ, которыя взирали на него, требуя свѣша — онъ думалъ, что они были достойны того. Онъ уже испыталъ свою швагу — она не могла отворить ему пуши къ славы — возвышеніе требовало великихъ издержекъ — а простой экономіи для того было недовольно — не было другаго прибѣжища, кромѣ торговли.

Если бы онъ это предпринималъ въ какой нибудь другой Французской провинціи, а не въ Бриша-

ніи; шо бы эшо ничшо другое значило, какъ совсѣмъ искоренить маленькое дерево, которое гордость его и любовь желали видѣть опяшь цвѣшущимъ. — Но въ Бришаніи великое въ семъ изобиліе; для шого онъ воспользовался онымъ, и выбравши случай, когда *тины Государства* собралися въ Реннъ, Маркизь съ двумя своими сынами вошелъ въ собраніе, защищалъ право древняго закона Герцогства — которое хошя рѣдко когда было шребовано, однако же, сказалъ онъ, не меньше имѣешь своей силы — Онъ снялъ съ себя свою шпагу — „Вошъ, сказалъ онъ, возмише, и будъше повѣренныя оной, хранишели до шѣхъ поръ, пока лучшія времена приведутъ меня, въ состояніе шребовашъ ее назадъ,“

Президентъ принялъ Маркизову шпагу — Маркизь подождалъ нѣсколько минушъ, чшобъ при глазахъ его положили шпагу въ архивъ его дому, и вышелъ.

Маркизь съ своею фамиліею отправилъ слѣдующаго дня на ко-

раблѣ въ Маршинку; и по девятинадцати или двадцатилѣтнемъ удачномъ прилѣжаніи къ дѣламъ, съ нѣкошорыми неожиданными прибышками отъ дальней родни своего дому, возвратился прѣбывать своего Дворянства, и поддерживать оное.

Это конечно благопріятствование счастья учинило, (чего никогда не случится кромѣ разсуждающаго путешественника,) что я былъ во время сего торжественнаго прѣбыванія въ Реннѣ: я называю сіе прѣбываніе торжественнымъ — по крайней мѣрѣ оно такъ казалось мнѣ.

Маркизъ вошелъ въ судебную залу со всею своею фамиліею: онъ поддерживалъ свою супругу, — старшій сынъ поддерживалъ сестру свою, а младшій шелъ по другую сторону своей матери — онъ дважды прикладывалъ свой карманный платокъ къ лицу своему —

— Вослѣдовало глубокое молчаніе. Когда Маркизъ приблизился къ судилищу, и былъ отъ него шагахъ въ десяти, тогда опдалъ Мар-

кизшу меньшему своему сыну, и опшупя шага на три опъ своей фамиліи — требовалъ своей шпаги. Шпага его была ему опдана, и какъ скоро онъ взялъ оную въ руки, то вынулъ ее изъ ноженъ почти всю. — Это было сіяющее лице друга, котораго онъ нѣкогда опспавилъ — онъ всю ее со вниманіемъ опспривалъ, начиная съ самаго ефеса, будто желая увѣришься, самая ли та была шпага, которую онъ опспавилъ. — Примѣшивши на концѣ нѣсколько ржавчины, онъ приблизилъ оный къ своему глазу, и приклонивши надъ нимъ свою голову — мнѣ кажешся я видѣлъ слезу, упавшую на ржавчину (что я не ошибся, изъ слѣдующаго явно): „я найду другой способъ, сказалъ онъ, „счисшишь шебя.

Сказавши сіе Маркизь, вложилъ шпагу свою въ ножны — сдѣлавъ низкій поклонъ хранишелямъ оной — по шомъ пошелъ вонъ, а за нимъ послѣдовали жена его, дочь и два сына.

О какъ я завидую его чувствіямъ!

ПАШПОРТЪ.

Версалія.

Я допущенъ былъ къ господину Графу де Б. . . безъ всякой трудности. Шекеспировы сочиненія лежали на столѣ, и онъ перебиралъ оныя. Я подошелъ близко къ столу, и первый взглядъ на книги бросилъ шакъ, чшобъ дашь ему примѣшишь, что я знаю, что они шакое были — неимѣя никого, сказалъ я ему, кто бы могъ меня вамъ представить, пришелъ самъ собою : ибо вѣдалъ, что найду въ сихъ покояхъ пріятеля, на котораго надѣялся, что меня представитъ — „эшо мой единоземецъ, великій Шекеспиръ, сказалъ я, указывая на его сочиненія — „и сдѣлай милость, любезный другъ! (обращая рѣчь мою къ Шекеспирову духу) прибавилъ я, *позволь мнѣ и мѣтъ сію гестъ,* —

Графъ усмѣхнулся моему необычайному присупу, и видя, что я былъ блѣденъ и не совсѣмъ здоровъ,

просилъ меня, чшобъ я сълъ вб крѣсла: и шакъ я сълъ; и чшобъ избавить его отъ шруда догадываться о причинахъ моего посѣщенія, шоль прошивнаго правиламъ, я разсказалъ ему просто приключеніе, случившееся вб книжной лавкѣ; и какъ эшо заставило меня приши разсказашъ о моемъ худомъ положеніи, лучше къ нему, нежели къ кому другому вб Франціи — „Развѣ ваше положеніе худо? сказалъ Графъ. И шакъ „я разсказалъ все, какъ разсказалъ уже чшашелю.

— И хозяинъ шракшира, сказалъ я, заключая, „думаетъ, ваше Сіяшельство! чшо меня необходимо „пошлюшъ вб Басшилю — „но я „эшого не опасаясь, продолжалъ я „— ибо, попавшись вб руки самаго „учшиваго народа вб свѣшъ, будучи „правой человкѣ, и не такой пришомъ, которой бы пришелъ высмашривашъ нагошу земли; я едва и „подумалъ когда, чшо буду завишсъ отъ вашего милосердія. — Не „прилично Французской храбрости,

„ваше Сіяшельство, сказалъ я, что-
 „бы оказывашь себя прошиву не
 „моцныхъ.,,

Когда я сказалъ сіе; по на ще-
 кахъ Графа де Б . . . выступилъ
 живой румянецъ. „Не бойся ничего ,
 „сказалъ онъ. Ей! я не боюсь, оп-
 вѣшествовалъ я напрошивъ. Кромѣжъ
 шого, продолжалъ я нѣсколько съ
 шупливымъ видомъ , „я изъ самаго
 „Лондона, до самаго Парижа ѣхалъ
 „смѣючись ; и я не думаю, чшобъ
 „господинъ Герцогъ де Шоазель былъ
 „шоль великій непріатель веселію ,
 „чшобы захошѣлъ послать меня пла-
 „чущаго за шруды мои.,,

— Я прибѣгаю къ вамъ , госпо-
 динъ Графъ! (сдѣлавши ему низкой
 поклонъ), чшобъ онъ сего со мною
 не сдѣлалъ; и я увѣренъ , что онъ
 не сдѣлаетъ, ешъли вы его о шомъ
 попросите.

Графъ слушалъ меня съ опмѣн-
 нымъ добросердечіемъ; а ешъли бы
 не шакъ , шо я бы и вполовину не
 сказалъ шакъ много — и раза съ два
 Графъ сказалъ:—*это хорошо сказано!*

И такъ я оспановилъ мое дѣло при сихъ словахъ, и рѣшился объ ономъ не говорить ничего больше.

Графъ завелъ разговоръ: мы говорили о вещахъ постороннихъ — о книгахъ, политикѣ, мущинахъ — наконецъ и о женщинахъ. „Дай Богъ, имъ щастіе,“ сказалъ я; по долгомъ о нихъ разговоръ — „Нѣшъ чедовѣка на земли, кошорый бы любилъ ихъ столько, какъ я: сколько я ни видалъ въ нихъ слабосшей, сколько ни чисалъ саширѣ прошивъ ихъ писанныхъ; однако я ихъ все еще люблю: ибо увѣренъ, что человекъ не имѣющій нѣкопорой привязанности ко всему полу, никогда не можетъ любить одной женщины, какъ должно.“

„Ну хорошо гослодишъ Ангелитинишъ!“ сказалъ Графъ, съ улыбкою. „Вы не прѣехали высмастри-вашь нагошу земли — я думаю, шакже, и нагошу женищишъ? — Но позвольте мнѣ угадашь — ешь-ли бы какая изъ нихъ попалась

„вамъ гдѣ на пуши, по видѣ бы
„ея не былъ вамъ прошивенъ.“

Я имѣю нѣчто внушрь себя, что
неможешъ снести ни малѣйшаго о-
скорбленія отъ хитраго безстыд-
ства: въ забавныхъ бесѣдахъ я ча-
сто старался побѣдить сіе распо-
ложеніе моего сердца, и съ беско-
нечнымъ мученіемъ въ присушствіи
многихъ красавицъ говорилъ я о ты-
сячѣ вещахъ, изъ копорыхъ ни обо
одной неспалъ бы говорить на-
единѣ, хотя бы небо можно было
чрезъ по пріобрѣсти.

„Извините меня, ваше Сіяшель-
„ство! сказалъ я; что касается до
„нагопы земли вашей, естли бы
„я видѣлъ оную, я бы смотрѣлъ
„на нее со слезами — а что ка-
„сается до нагопы вашихъ жен-
„щинъ, (покраснѣвши отъ идеи,
„копорую онъ во мнѣ возбудилъ) я
„столько въ этомъ благочесливъ, и
„столько соспрадашеленъ ко все-
„му тому, что слабаго въ нихъ на-
„ходился, что я покрылъ бы оное
„одеждою, естли бы зналъ какъ

„оную всбросишь — но я желалъ бы, продолжалъ я, высмотрѣшь нагошу ихъ сердецъ, и сквозь многоразличныя превращенія обычаевъ; чрезъ многоразличные климаты и вѣтры, найши, что въ нихъ хорошаго, дабы по образцу ихъ сердецъ, исправилъ мое собственное — и для сего то я приѣхалъ.

Сіе то было причиною, ваше Сіятельство, продолжалъ я, что я не видалъ Палероля — ни Люксембурга — ни фасада Луврскаго — и никогда не предпринималъ пополнять росписей, которыя мы имѣемъ картинъ, сшапуй и церковей — я всякую прекрасную пиварь почишаю за храмъ, и желалъ бы лучше войти внутрь онаго, и видѣть подлинныя рисунки и развѣшенныя по стѣнамъ не радивыя чершежи, нежели самое *Преображеніе* Рафаелово.

„Жадность къ познанію людей, продолжалъ я, сполькоже нешерпѣлива, какъ и ша, кошорая воспламеняетъ сердце знашока, завела меня изъ моего собственнаго дому во Фран-

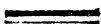
„цїю — а изъ Франціи поведешъ
 „меня въ Италїю — Сердце спокой-
 „но путешествуемъ, когда путе-
 „шествуя, испытываемъ *природу*
 „и сердечныя чувствїя, рождающїя-
 „ся отъ оной, которыя заставля-
 „ютъ насъ любить другъ друга —
 „и свѣтъ — лучше, нежели тѣнь
 „любимъ.,,

Графъ мнѣ на этотъ случай
 наскзалъ много учивостей; и при-
 бавилъ съ великою вѣжливостїю, что
 онъ много обязанъ Шекеспиру за то,
 что меня съ нимъ познакомилъ. Но
 „къ спашъ, сказалъ онъ — „Ше-
 „кеспиръ наполненъ превосходными
 „мыслями, но забылъ упомянуть ва-
 „ше имя — для того вы обязаны
 „сдѣлать то сами.

ПАШПОРТЪ.

Версалїя.

Нѣтъ ничего для меня безпокой-
 нѣе въ жизни, какъ сказывать о себѣ,
 кшо я — пошому что о другомъ бы я

могъ дасть лучшее свѣденіе, нежели о себѣ самомъ ; и часто желалъ , чтобъ я то могъ сдѣлать однимъ словомъ — и шѣмъ запросу положишь конецъ. Одно только сіе приключеніе во всю жизнь мою случилось, что могъ удовлетворить моему желанію нѣкопорымъ образомъ — ибо Шекеспиръ лежалъ на столѣ, и я вспомнивши, что мое имя было въ его сочиненіяхъ, то вдругъ взявши трагедію *Гамлета*, перевернулъ нѣсколько листовъ до явленія гробкопашелей въ пятомъ дѣйствіи , и положилъ мой палецъ на *Йорика*: въ такомъ положеніи поднесъ я книгу графу, сказавши: — „*Вотъ я.*

Забылъ ли графъ черепъ бѣднаго *Йорика*, видя мой; или по какому нибудь чародѣйству пошерялъ въ памяти восемь сотъ лѣтъ ; то ничего не составляетъ въ семъ дѣлѣ — то однакожъ извѣстно, что Французы лучше понимаютъ, нежели совокупляютъ — Я ничему въ свѣтѣ не удивляюсь, а меньше всего сему , такъ какъ и тому , что

одинъ изъ главныхъ нашихъ перво-
священниковъ, къ кошорому я и-
мѣю великое почтеніе за его опече-
скія поученія, впалъ въ шуже ошиб-
ку — Я не могу, сказалъ онъ, чи-
тать проповѣдей писанныхъ шу-
шомъ Дацкаго Короля — Ахъ! Ми-
лордъ, сказалъ я, вѣшь два *Йорика*
— *Йорикъ*, о кошоромъ вы, Милордъ,
думаете, уже умеръ и погребенъ во-
семь сощъ лѣщъ шому назадъ; онъ
процвѣшалъ при дворѣ Горвендила
— Другой *Йорикъ* я, кошорой не
процвѣшалъ ни при какомъ дворѣ.
[Онъ покачалъ своею головою] —, Бо-
же мой! сказалъ я, вы бы могли по-
чесать шакже Александра мѣдника за
Александра Великаго. — Это все
шоже, ошвѣщшвовалъ онъ. — Ещъ-
ли бы Александръ царь Македонскій
перевелъ ваши сочиненія, Милордъ,
я увѣренъ сказалъ я, чшобы вы се-
го не сказали.

Бѣднинькой Графъ де Б
впалъ въ шуже самую ошибку—

— *И вы, государь мой, Йорикъ?* сказалъ съ удивленіемъ графъ — „*точно я*, сказалъ я. — *Вы? Я — я*, кошорой имѣеиъ честь съ вами говорить. — *Боже мой!* сказалъ онъ, обнявши меня — *Вы Йорикъ!*„

Графъ немедленно положилъ Шекспира въ свой карманъ, и оставилъ меня одного въ горницѣ.

ПАШПОРТЪ.

Версалія.

Я не больше могъ понять, для чего Графъ де Б . . . такъ опривисто вышелъ изъ горницы, какъ и по, за чѣмъ онъ положилъ въ карманъ Шекспира — *Тайнства*, которыя сами должны изъяснить себя, не стоятъ времени, которое на нихъ тратитъ должна догадка. Ишакъ взявши въ руки книгу, подъ названіемъ: *много заботы о нителѣ*, (*Much ado about Nothing*,) я переиесся вдругъ съ креселъ, на кошорыхъ сидѣлъ, въ Мессину въ Сициліи; и въ шакія вмѣшался заботы съ до-

номъ Педро, Бенедикшомъ и Бенек-
присою, что я забылъ Версалю,
графа и пашпортъ.

Сладкая гибкость человѣческаго
духа, съ какимъ пріятнымъ удоволь-
ствіемъ предашься ты мечтаніямъ,
умягчающимъ тяжкія минушы печа-
ли и ожиданія! Минушы! — Давно—
давно бы уже вы перещитали дни
мои, если бы я не перешопшалъ
большую часть оныхъ на сей окол-
дованной землѣ! Когда дорога моя
очень жестка для моихъ ногъ, или
очень круша для моихъ силъ, пог-
да я отъ оной удаляюсь къ какой
нибудь гладкой дорожкѣ, кошорую
воображеніе усыпало для меня ро-
зами прелестей; и сдѣлавши по оной
нѣсколько прогулокъ, возвращаюся
съ свѣжимъ и укрѣпленнымъ духомъ
— Когда горесши кучею на меня валяш-
ся, и нѣтъ убѣжища отъ нихъ,
погда я беру новую дорогу — уда-
ляюсь отъ оной — И понеже я имѣю
яснѣйшее понятіе о Елисейскихъ
поляхъ, нежели о небесахъ; по я,
какъ Еней, спремляюся на оныя —

Я вижу его сръшающаго печальную шѣнь своей оставленной Дидоны, и желающаго узнать оную — Я вижу оскорбленную шѣнь ея, помавающую своею главою и отвращающуюся въ безмолвіи отъ виновника ея бѣдспвй и безчестія — Я теряю мои чувствованія въ ея чувствованіяхъ, и шѣхъ состраданіяхъ, которыя меня научили оплакивать ея еще въ школѣ.

Бредяшъ шѣ, кои думаютъ, что это все то же, что въ пустой шѣни прогуливаться — Человѣкъ чрезъ это не вшуне беспокоится — онъ чаще это дѣлаетъ, повѣряя дѣшей сердечныхъ своихъ движеній одному разуму — я безъ опасности могу за себя сказать, что я никогда не могъ шоль совершенно побѣдиль худаго чувствованія въ моемъ сердцѣ, не призвавши себѣ на помощь хорошаго на шже самое поле.

Когда я дочитался до конца третьяго дѣйствія; то Графъ де Б вшелъ съ моимъ пашпортомъ въ рукахъ. — Господинъ Герцогъ де Ш. .

сказалъ Графъ, сколько же хорошій пророкъ, сколько и министръ — „*Теловѣкъ*“, который смѣется, сказалъ Герцогъ, никогда не можетъ быть оласенъ. „ — „ Если бы это было не для Королевскаго шума, прибавилъ Графъ, то бы я не могъ достать пашпорта и черезъ два часа. — „ Извините меня, ваше Сіяшельство! сказалъ я, „я не Королевскій шумъ. „ — Но вы Йорикъ? — „ Такъ. — И вы шутите? — Я опвѣщсшвовалъ, что шумилъ, но мнѣ за то никогда не плашили — я шумилъ всегда на мой собсшвенный щопъ.

Мы ни одного шума при дворѣ не имѣемъ, ваше Сіяшельство, сказалъ я; послѣдній шумъ былъ у насъ въ своевольное царствование Карла II. — „Съ того времени наши „нравы постепенно перемѣнились „такъ, что нашъ дворъ наполненъ „пашрѣошами, (опечества любителями) которые ничего больше не желаютъ, какъ чести и богатства своему опечеству — а нашъ прекра-

„прекрасный полъ сполькоже цѣло-
 „мудренъ и незапятнанъ, сколько и
 „благочестивъ — , что шушу не
 „осталось надъ чѣмъ шушишь.

„*Это насмѣшка*, сказалъ съ дви-
 женіемъ сердца Графъ.

ПАШПОРТЪ

Версалія.

Поелику пашпортъ писанъ былъ
 къ Губернашорамъ-Порутчикамъ, Гу-
 бернашорамъ, къ Коменданшамъ го-
 родовъ, къ Генераламъ армій, и во
 всѣ судебныя мѣста, чшобъ про-
 пустили господина Йорика Королев-
 скаго шуша съ его екипажемъ вездѣ
 безъ задержанія—Я признаюсь, что въ
 пашпортѣ моемъ я дѣлалъ не великую
 фигуру — но въ семъ свѣшѣ ничего
 нѣтъ безъ примѣсу — И нѣкоторые
 изъ нашихъ Богослововъ просперли сіе
 предложеніе такъ далеко, что буд-
 то ни одного удовольствія въ мірѣ
 не случается безъ вздоху — и са-
 мое большое удовольствіе по ихъ при-
 мѣчанію немного лучше судоргіи.

Я привелъ на память важнаго и ученаго Беворискія, который въ своемъ родословіи ошъ самаго Адама, очень присшойно въ самой срединѣ своего предмета ошъ онаго ошсшупаетъ, чтобъ увѣдомишь свѣшъ о парѣ воробьевъ, которые садясь на краю его окошка, безпокоили его во все время, когда онъ писалъ, и наконецъ совсѣмъ прервали его упражненіе.

— Это удивительно, пишешъ „Беворискій — однако же шакъ было дѣйствительно: ибо я изъ любовышсшва перемѣшилъ ихъ моимъ перомъ — но сашецъ, при окончаніи второй половины сего примѣчанія дѣйствительно перерывалъ меня чрезъ повшореніе своихъ ласкъ двадцать три раза съ половиною.

„Коль милосерды небеса, прибавляешъ Беворискій, „къ своей швари „!

— Нещасенъ ты Йорикъ, что самый важнѣйшій изъ швоихъ собраний могъ писать по свѣшу, что ты послышался бы списывать даже въ швоемъ уединеніи!

Но это не принадлежитъ къ моему путешествію — для того я чрезвычайно прошу въ шомъ прощенія.

ХАРАКТЕРЪ.

Версалія.

„И какъ вамъ нравятся Французы? сказалъ Графъ, давши мнѣ паспортъ.

Чишашель можетъ догадаться, что послѣ такой мнѣ оказанной учшивой услуги, я не могъ пропустить, чшобъ не сказать чего нибудь учшиваго съ моей стороны.

„*Но оставилъ это* — говорите откровенно, сказалъ Графъ: находите ли вы всю привѣшливость во Французахъ, въ которой весь свѣтъ отдаетъ имъ справедливость? Я нашолъ во всемъ тому доказательство, сказалъ я. Подлинно, сказалъ графъ—Французы привѣшливы—„*До чрезвычайности*, отвѣщивовалъ я.

Графъ замѣшилъ слово *до чрезвычайности*; и сказалъ, что я боль-

ше не по разумѣль, что сказалъ. Я защищался противъ того, сколько могъ. — Онъ настоялъ, что я говорилъ прикварно и просилъ меня говорить правду.

„Я думаю, ваше Сіятельство, „сказалъ я, что человекъ имѣетъ „нѣкошорую ограниченность, такъ „какъ и инструментъ; и что дру- „желюбныя и другія должности по- „переменно требуютъ каждый осо- „беннаго ключа; еслили вы нач- „нете пошу или очень высоко, „или очень низко, то должно „быть пустое мѣсто или въ верх- „ней или въ нижней части, ко- „торое должно наполнить, чтобы „довершить систему Гармоніи — „Графъ де Б. . . не разумѣль му- „зыка, для того просилъ меня объ- „яснить простѣе. Просвѣщенный на- „родъ, мой любезный Графъ, ска- „залъ я, дѣлаетъ всякаго своимъ „должникомъ; и кромѣ привѣшливо- „сти, какъ прекрасный полъ, имѣ- „етъ столь много прелестей, что „противно совѣсти сказать, что

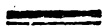
„онъ можеть дѣлать что нибудь
 „злое; однако я думаю, что ешь
 „предѣль совершенству, до кошо-
 „раго человѣку, со всѣми его сила-
 „ми позволено достигнуть — ешь-
 „ли онъ переступаетъ оный; но я
 „думаю, что въ то время онъ нес-
 „олько пріобрѣтаетъ качества, но
 „больше перемѣняетъ оныя. Я не
 „могу ничего сказать о Францу-
 „захъ въ разсужденіи сего предмета
 „— но ешьли когда случится Ан-
 „личанамъ достигнуть до такой же
 „въ обхожденіяхъ привѣшливости;
 „то ешьли мы не потеряемъ *при-*
 „*вѣтливости сердечной*, кошорая по-
 „буждаетъ къ челоѣколюбивымъ
 „дѣйствіямъ, нежели привѣшли-
 „вость внѣшняя—то мы по крайней
 „мѣрѣ потеряли бы различіе и не-
 „пришворность характеровъ, кошо-
 „рые различаютъ насъ не токмо
 „между собою, но и отъ всего свѣша.

Я имѣлъ нѣсколько шилинговъ
 Короля Виллѣяма въ моемъ карманѣ,
 кошорые шакъ были гладки, какъ
 стекло: и предвидя, что они мнѣ по-

служашь ко изьясненію моего мнѣнія, я взялъ ихъ въ руки, когда договорилъ до сего мѣста—

Посмотрите, ваше Сіяшельство, сказалъ я вставши и положи ихъ на столъ передъ нимъ — „пручись между собою по карманамъ людей, чрезъ семьдесятъ лѣтъ, они сдѣлались столько подобны, что едва различить ихъ можно.

„Агличане, какъ древнія медали, будучи больше хранимы порознь и проходя чрезъ не многія руки, сохраняющъ первое впечатлѣніе природы, — Они шероховаты для осязанія — но напрошивъ шого клейма на нихъ и подписи шакъ ясны, что вы съ перваго взгляду распознашь ихъ можеше. Но Французы, ваше Сіяшельство! сказалъ я.. (желая умягчить шо, что сказалъ) но Французы имѣющъ столь много совершенствъ, что они легко могушъ обойтись безъ сего. — Они вѣрны къ своему государю, храбры, щедры, остроумны, и добросердечны, столько, что шрудно сыскашь дру-

„гой народъ подъ солнцемъ — Есть-
ли они имѣющѣ какой недоспашокъ,
„это только то, что они чрезвычай-
но важны.,,

„Боже мой! воскликнулъ Графъ
вскоча съ кресель.

„*Но вы шутите*, сказалъ онъ,
поправляя свое восклицаніе. — Я
положилъ на грудь свою руку и съ
возможною важносшію увѣрялъ, что
не шучу.

Графъ сказалъ, что онъ ужасно
сожалѣетъ, что не можеть выслу-
шать моихъ доказательствъ: по по-
му что въ шуже минушу должно
было ему иди обѣдать къ Герцо-
гу де Ш

Но естли недалече будетъ для
васъ придти въ Версалію кушать
со мною супу; то прошу, прежде не-
жели вы оспавите Францію, сдѣлашь
мнѣ удовольствіе увѣдомленіемъ о
перемѣнѣ вашего мнѣнія, или о томъ,
какъ вы оное защищаете — Но ест-
ли вы, господинъ Англичанинъ бере-
щесь защищать; то вы должны за-
щищать всѣми силами: ибо весь

свѣтъ прошиву васъ. — Я обѣщался Графу, что прежде нежели поѣду въ Испалію, сдѣлаю себѣ честь съ нимъ ошобѣдать.

ИСКУШЕНІЕ.

Парижъ.

Когда пріѣхалъ я на свою кварширу, то работникъ мнѣ сказалъ, что молодая женщина съ карзинкою въ рукахъ шолько что обо мнѣ спрашивала. — Я незнаю, сказалъ работникъ, пошла ли она, или нѣтъ. Я взялъ у него ключъ ошъ моего покоя и пошелъ въ верхъ.

И когда я былъ ошъ дверей моихъ шагахъ въдесяши; шо помянушая женщина встрѣшилась со мною, идущи посихоньку въ низъ по лѣспницѣ.

Эшо была прекрасная горнишная дѣвушка, съ кошорою я шелъ по набережной де Конши: госпожа де Р... послала ее за какимъ шо дѣломъ къ купцу, шоргующему модными шоварами, кошорой жилъ ошъ Моденскаго шракшира очень близко; и

какъ мнѣ не удалось сдѣлать госпожѣ де Р. . . . посѣщенія ; шо она приказала ей спросить, не выѣхалъ ли я изъ Парижа — и ешлы выѣхалъ, шо не оставилъ ли къ ней письма.

Поелику прекрасная горнишная дѣвушка была очень близко къ дверей ; шо она назадъ вернулась и вошла ко мнѣ въ горницу на малое время, пока я напишу записку.

Тогда былъ прекрасной Майской вечеръ — занавѣски алаго цвѣшу у оконъ (погоже цвѣшу были занавѣски и у постели) были опущены — солнце заходило и пропуская багровые лучи свои сквозь алые занавѣсы, отражало шоль живой румянецъ отъ ланишъ прекрасной горнишной дѣвушки—что я подумалъ, будшо она краснѣла.—Сія мысль засшавила меня самого краснѣшь—мы были совершенно одни — и это засшавило меня покраснѣшь въ другой разъ , прежде нежели первая краска вышла.

Есть нѣкошорой родъ полневиннаго пріятнаго румянца , въ кошоромъ кровь больше виною , нежели

человѣкъ — онѣ съ стремленіемъ выходишь изъ сердца, и добродѣшель лешишь за нимъ — не для того, чшобъ его позвать назадъ, но сдѣлашь ошущеніе онаго пріятнѣйшимъ сердцу — добродѣшель съ таковымъ румянцомъ находится въ союзѣ. —

Но я не буду описывать онаго — я чувствовалъ нѣчто внушрь себя, что небыло совершенно согласно съ уроками добродѣтели, кошоры я преподавалъ ей за ночь прежде — я искалъ минутъ съ пашь бумажки, на кошорой бы написать записку — я зналъ, что у меня не было ни малѣйшаго лоскушка — я взялъ перо — и опять положилъ оное — моя руку дрожала — Діаволь былъ во мнѣ.

Я столько же знаю, какъ и всякой, что онѣ супосшатъ нашъ, и бѣжишь отъ насъ, когда мы ему спрошивляемся — но я рѣдко ему спрошивляюсь, пошому что хощя и знаю, что могу побѣдиль его; но опасуюсь, чшобъ не прешерпѣшь чего въ сраженіи — для того ушшупаю

ему торжество для своего безопасія; и вмѣсто того, чтобъ заставишь его бѣжать отъ себя, я обыкновенно бѣгу отъ него самъ.

Прекрасная торнишная дѣвушка подошла очень близко къ камоду, въ кошоромъ я искалъ бумажки для записки — она подняла перо, которое я бросилъ; пошомъ подала чернилицу; и подала съ такою пріятностію, что я хотѣлъ было принять, — однакоже не смѣлъ, — Мнѣ не на чемъ писать, милая моя, сказалъ я ей, — пишите, сказала она съ просшою, на чемъ нибудь.,

Я только что хотѣлъ сказать: „шакъ я напишу, прекрасная дѣвица, на твоихъ губахъ — Если я это сдѣлаю, сказалъ я самъ себѣ, то погибну — и шакъ я взявъ ее за руку, повелъ къ дверямъ, и просилъ ее, чтобъ она не позабыла даннаго мною ей урока. Она сказала, что ни когда не позабудешь — и понеже она помянушыя слова произнесла нешумливымъ шомомъ, то обернувшись ко мнѣ въ знакъ дока-

пельства, положила обѣ свои руки въ мои — не можно было не сжать оныхъ въ такомъ положеніи — я хотѣлъ ея руки изъ своихъ выпустить, однако не выпускалъ, разсуждая самъ съ собою: — выпустишь ли, или нѣтъ? Чрезъ двѣ минуты я примѣнилъ, что мнѣ должно было возобновить опять сраженіе — Я почувствовалъ, что отъ сей идеи дрожали мои колѣна и всѣ члены.

Поспелая была только на полтора аршина отъ насъ — я все еще держалъ ее за руки — какъ случилось, что мы вмѣстѣ съли на спелю, того я не понимаю: — ибо я не просилъ ее, — ни шаянулъ ее — ниже думалъ о спелѣ.

„Я покажу вамъ, сказала прекрасная горничная дѣвушка, кошелѣкъ, кошорой я связала для сбереженія вашего полшинника. И шакъ она опустила руку въ правый карманъ, кошорый былъ возлѣ моего боку, и искала въ ономъ нѣсколько минутъ — пошомъ спала искать въ лѣвомъ карманѣ — она думала, что поше-

ряла оный — Я никогда ничего не дожидался съ большимъ спокойствіемъ — кошелѣкъ нашелся въ ея правомъ карманѣ — она его вынула — онъ былъ сшитъ изъ зеленой шафшы — подложенъ бѣлымъ атласомъ — и только что могъ вмѣстись полшинникъ — она дала его мнѣ въ руки — кошелѣкъ былъ искусно сдѣланъ; я держалъ его съдесять минутъ на ея колѣнѣ — смотря иногда на кошелѣкъ, иногда на красавицу.

У меня на галспукѣ два сбора разпустились — красавица неговоря ни слова, вынула свой не большой игольникъ и зашила оные — я предвидѣлъ, что чрезъ такое приключеніе могъ бы поперять побѣду, которая почти была выиграна; и когда она посихоньку меня обнимала, то я почувствовалъ, что лавры на головѣ моей сшали колебаться, которыми увѣнчало меня мое воображеніе.

По дорогѣ у нее ослабла клюша, и пряжка на ея башмакъ едва не

спала: — посмотрите , сказала горнишная дѣвушка , поднявши свою ногу — я не могъ быть по совѣсти столько не учтивымъ , что бы не засѣгнутьъ башмака ея — потомъ поднялъ и другую ногу , чтобъ посмотреть , хорошо ли другой башмакъ былъ засѣгнутъ — это я такъ нечаянно сдѣлалъ , что прекрасная горнишная дѣвушка необходимо должна была упасть на постелю — и тогда —

ПОБѢДА.

Такъ — и тогда? — О вы , копорыхъ хладнокровныя головы и сердца могутъ защищать , или прикрывать свои спраси , скажите мнѣ , какое преступленіе имѣть спраси человѣку? или какимъ образомъ духъ человѣческой долженъ отвѣтствовать опцу духовъ за поведеніе свое подъ ихъ предводительствомъ?

Естьли природа свила клубокъ добросердечія и ласки такъ , что въ ономъ нѣсколько нишей любви и вождельнія запушаны ; — долж-

но ли разорвашь цѣлый клубокъ, чтобы вышянушь оныя? — Накажи шаковыхъ Споиковъ, великій правитель природы! говорилъ я самъ съ собою, — гдѣ меня Твое провидѣнїе ни пошавишь для испытанїя моей добродѣтели — гдѣ бы ни была моя опасность — какое бы ни было мое положенїе — дай мнѣ чувствовашь всѣ движенїя, раждающїяся отъ онаго, и кошорыя принадлежатъ мнѣ, какъ человѣку — и есшли я буду въ силахъ управишь оными, какъ добрый человѣкъ; то возложу на Тебя всю надежду въ шомъ, что изъ шого должно послѣдовашь — *Зане Ты сотворилъ насъ, а не мы сотворили сами себя.*

Скончавши мое обращенїе къ Богу, я поднялъ за руку прекрасную горнишную дѣвушку и вывелъ ее изъ горницы — она стояла подлѣ меня, пока я заперъ двери и положилъ отъ оныхъ ключъ въ карманъ — И тогда — понеже побѣда была совершенно кончена — я прижалъ мою

губы къ ея губамъ , а не прежде ,
— и взявши ее опять за руку , про-
водилъ до самыхъ воротъ шракши-
ра во всякомъ благополучіи.

ТАЙНА.

Парижъ.

Кто имѣетъ познаніе о сердцѣ
человѣческомъ , шотъ легко узнаетъ ,
что мнѣ не возможно было вдругъ
возвратиться въ мою горницу : это
бы ни что иное было , какъ окончашъ
холоднымъ ключемъ музыкальную
шпуку , начашую съ *дѣза* , и которая
произвела во мнѣ нѣжныя чувствован-
нія — для шого , когда я выпустилъ
изъ моихъ рукъ , руку *горничной дѣ-
вушки* , ошановился на нѣкоторое
время у воротъ шракшира , и смотря
на всѣхъ мимоидущихъ , дѣлалъ объ
нихъ свои догадки до шѣхъ поръ ,
пока предметъ особливо меня про-
нувшій , не обратилъ на себя всѣ
мои умствованія.

Это былъ одинъ человекъ высокаго
росту , имѣющій философскій , важный

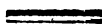
и мужеспвенный видъ, кошорый про-
жживался по улицѣ, дѣлая около
шеспидесяпи шаговъ шо по шу,
шо по другую спорону ворошѣ шрак-
шира. — Онѣ былѣ около пшпидеся-
пи двухъ лѣшѣ—Имѣлѣ подѣ мыш-
кою шросѣ — на немѣ были виш-
невашаго цвѣшу фракѣ, камзолѣ и
шшаны, кошорые, по видимому, слу-
жили много лѣшѣ — однако же они
были ещѣ чшсны, и во всемѣ видѣ
помянушаго господина видна была
бережливая опряшность.

Онѣ часшо снималѣ шляпу передѣ
вспрѣчающшмися, и сѣ шакимѣ поло-
женіемѣ шѣла, чшо я легко могѣ за-
ключшш, чшо онѣ просилѣ милосшны-
ни: и шакѣ я вынялѣ копѣйки сѣ двѣ
изѣ моего кармана сѣ намѣреніемѣ,
чшобѣ дашѣ ему вѣ шо время, когда онѣ
будешѣ проходшш мимо меня. Онѣ
проходя мимо меня ничего не попро-
силѣ — Однако же не опшедши отѣ
меня и на пшш шаговѣ, просилѣ ми-
лосшныни у маленькой женщшны. —
По виду моему ему бы можно было
заклучшш, чшо я скорѣе подалѣ

бы милостыню — Не опшедши отъ женщины почти ни на два шага, онъ снялъ свою шляпу передъ другою съ нимъ встрѣпившеюся женщиною. Проходилъ въ тоже время пожилой господинъ медленными шагами—и за нимъ молодой щеголь. — Онъ ихъ пропустилъ не попросивши ничего. Я съ полчаса споялъ, дѣлая надъ нимъ примѣчанія. Въ это время онъ прошелъ мимо меня разъ съ двѣнадцатью; и всегда я находилъ, что онъ не перемѣнялъ своего плана.

Двѣ вещи въ семъ случаѣ показались мнѣ странны и заславили мой мозгъ работашъ безъ всякаго успѣху—Первая, для чего онъ объяснялъ свои обстоятельство только женщинамъ — вторая — какія то были его обстоятельство, которыми онъ надѣялся смягчить сердца женщинъ, а надъ сердцами мужчинъ которыя не будутъ дѣйствовать.

Были еще двѣ вещи, которыя запусывали сію тайну — одна, что онъ всякой женщинѣ говорилъ на ухо и такимъ образомъ, какъ будто

бы сказывалъ шайну , а не просилъ — другая, что онъ всегда говорилъ съ успѣхомъ—онъ ни разу не остано-вилъ женщины, которая бы вдругъ не вынула кошелька и недала ему чего нибудь.

Я не могъ выдумать никакой системы для изъясненія сего явленія.

Я нашолъ себѣ загадку, кою бы могъ забавляться чрезъ остальную часть вечера; и шакъ я пошелъ въ свою горницу.

СЛУЧАЙ СОВѢСТИ.

Парижъ.

Лишь только я вшелъ въ горницу, то вдругъ пришедши ко мнѣ хозяинъ шракшира, сказалъ, чтобъ я искалъ себѣ другую кварширу — Для чего шакъ, другъ мой? сказалъ я. Для того, отвѣтствовалъ онъ, что молодая женщина была заперта съ вами въ покоѣ два часа того вечера; и это было прошиву правилъ дома. — „Хорошо, другъ мой, ска- залъ я, мы всѣ разстанемся — ибо

„дѣвица спала онѣ того ничемъ
 „нехуже—и я также спалъ онѣ того
 „не хуже — и ты будешь шаковъ
 „же, каковымъ я себя нашелъ. —
 „Черезъ это шракширъ можешь по-
 „теряшь кредитъ, сказалъ онѣ. —
 Посмотрише, милостивый государь!
 прибавилъ онѣ, указывая на то мѣс-
 то посшели, на кошоромъ мы сидѣ-
 ли — Я признаюсь, что оно имѣло
 нѣкошорый видѣ доказательства; но
 гордость моя не дозволяла войши
 съ нимъ въ подробное объясненіе се-
 го приключенія; но я совѣщовалъ
 ему, чшобъ онѣ оставилъ свою душу
 почивашъ въ покоѣ, какъ и я рѣ-
 шился также, чшобъ и моя почива-
 ла спокойно, и что я расплачусь
 съ нимъ за завтракомъ.

„Мнѣ бы не было нужды, ми-
 „лостивый государь! сказалъ онѣ,
 „если бы вы имѣли хоть двад-
 „цать дѣвокъ — О! сказалъ я ему,
 „перервавши его рѣчь, я во всю жизнь
 „мою не имѣлъ сполько дѣвокъ —
 „еслибъ было эшо, прибавилъ
 онѣ, пошпру, то ничего бы не зна-

чило. — И дѣлаешъ ли разность
 „времени въ Парижѣ разность въ
 „грѣхѣ? — Дѣлаешъ, сказалъ
 „онъ, разность въ соблазнѣ — Я
 „люблю доброе различіе въ моемъ
 „сердцѣ, и не могу сказать, чтобы
 „я въ то время разгорячился на хо-
 „зяина. — „Я признаюсь, возобно-
 „вилъ хозяинъ, что иностранцу нуж-
 „но имѣть удобные случаи покупать
 „гасы, шелковые чулки, манжеты
 „и прочее подобное — нѣшъ нужды
 „также, ешъли и женщина прійдѣтъ
 „сѣ корзинкою—О! да и у моей была
 „корзинка, сказалъ я, да шолько я
 „въ оную ни разу не заглядывалъ.
 „— „Такъ вы, милосшивый государь,
 „ничего не купили? — „Ни одной
 „земной вещи, опвѣшшвовалъ я. —
 „И для шого сказалъ онъ, я могу
 „вамъ представить одну, которая
 „посупашъ будетъ сѣ вами по со-
 „вѣспи. — „Но мнѣ надобно ее ви-
 „дѣшъ въ эту ночь, сказалъ я. Онъ
 „поклонился и вышелъ вонъ.

„Теперь я буду шоржешшвовашъ,
 „сказалъ я, надъ симъ тракширци-

комъ — „И чшожъ изъ шого? — Я дамъ ему знашь, какой онъ бездѣльникъ. — По шомъ чшо? — по шомъ чшо! — Я чущь было не сказалъ, чшо чрезъ то остерегу другихъ — Ни одного хорошаго опвѣща у меня не осшалось — и я шощасъ увидѣлъ, чшо въ предпріятіи моемъ было больше злости, нежели добронравія; для шого я и осшавилъ его безъ исполненія.

Чрезъ нѣсколько минутъ вошла молодая женщина съ корзинкою гасовъ — „Я однакожъ ничего не „куплю, сказалъ я самъ себѣ.

Женщина хошѣла мнѣ показашь всіо — но шрудно мнѣ было угодишь. — Всіо, чшо ни показывала, мнѣ не нравилось — она выклала на сполъ всю корзинку — расклала весь шоваръ свой по сполу — развершывала, опяшь свершывала съ шерпѣливою пріятностію — купилъ ли бы я чшо — или не купилъ, — она все мнѣ усшупала по шакой цѣнѣ, какую я самъ назначу — я примѣшилъ, чшо бѣдниньякая рада была

доспашь хоть одну копѣйку — и выложились вся, чшобъ уловишь мое сердце не сполько хипрымъ, сколько простымъ и привлекашельнымъ образомъ.

Есшьли нѣшъ вѣ человекѣ основанія честности, шѣмъ хуже — мое сердце умягчилось, и я осшавилъ второе предпріяшье сполько же спокойно, какъ и первое. — Для чего мнѣ наказывашь ее, подумалъ я, за прешупленіе другаго? Есшьли ты зависишь отъ сего ширана, разсуждалъ я самъ вѣ себѣ, шѣмъ шруднѣе швой хлѣбъ!

Есшьлибъ у меня вѣ кошелькѣ не было больше чешырехъ Луидоровъ, мнѣ бы не осшалось ничего больше сдѣлать, какъ всшашь и показашь ей двери; но я рѣшилсѣ прежде купишь у ней манжешъ на шри Луидора.

— Но хозяйнѣ шпракшира будешъ имѣшь учасшье вѣ оныхъ. — Нужи нѣшъ — шакъ я сдѣлалъ не больше, — какъ заплашилъ сполько, сколько когда нибудь плачивала бѣд-

ная душа за такое дѣло, котораго оный бездѣльникъ не могъ сдѣлать, и ниже подумать объ ономъ.

ЗАГАДКА.

Парижъ.

Когда *ла Флеръ* вошелъ, чтобъ служишь мнѣ за ужиномъ, то сказалъ, что хозяинъ весьма сожалѣетъ о томъ, что меня огорчилъ.

Человѣкъ, который любишь покойно просыпашь ночи, никогда не ляжешъ въ постелю съ гнѣвнымъ сердцемъ, естли пособишь тому можешъ — для того я приказалъ *ла Флеру* сказать хозяину, что и я также съ моей стороны сожалѣю о томъ, что подалъ ему причину. — „И ты можешъ, *ла Флеръ*, сказать ему, прибавилъ я, когда она, „молодая женщина придетъ опять, „то я ее не буду видѣть.

Это была жертва — не ему, но мнѣ самому: — спасшись отъ столь близкой опасности, рѣшился я не предаваться больше оной — и оста-

вишь Парижъ съ такою же добродѣшью, съ какою я въ него вѣхалъ.

Это будетъ безгестіе благородству, сказалъ ла Флеръ, поклонившись мнѣ до земли —, И, можешь бышь, вы, прибавилъ онъ, перемѣните свои мысли — и ешьли (*ло слугаю*) захошите повеселишься — я не имѣю никакихъ увеселеній, сказалъ я ему перервавши рѣчь его.

Боже мой! сказалъ ла Флеръ, и вышелъ вонъ.

Черезъ часъ онъ вошелъ, чтобъ положить меня въ постелю, и больше обыкновеннаго былъ услужливъ — Нѣчто у него висѣло на губахъ, что онъ мнѣ хошѣлъ сказать или спросить, но не зналъ какъ зачашъ: я не могъ постигнуть, что такое было; да, правду сказать, я мало о томъ и беспокоился: понеже у меня въ головѣ была другая загадка, т. е. человекъ просившій милосшыни у дверей трактира — Я бы все ошдалъ, что бы ошгадать оную; но не изъ любопытства. — Любопытство ешь толь подлое побужденіе

кѣ изслѣдованію какой нибудь вещи, что я не далъ бы за него и двухъ копѣекъ — Сокровенное искусство, какъ умягчать сердца всѣхъ встрѣчающихся женщинъ, было для меня сполько же прелестно, какъ Философическій камень; и я бы не пожалѣлъ обѣихъ Индій опдашь за оное, естли бы обладалъ ими.

Я мучился цѣлую ночь надъ сею загадкою безъ всякаго успѣха; и проснувшись поутру нашелъ свой духъ сполько же обезпокоеннымъ отъ сновидѣній, какъ нѣкогда царь Вавилонскій; и я могу смѣло сказать, что мои сновидѣнія сполько же бы шрудны показались для истолкованія всѣмъ мудрецамъ Парижскимъ, какъ оныя мудрецамъ Вавилонскимъ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Парижъ.

Тогда было Воскресенье, когда ла Флеръ вшелъ ко мнѣ поутру съ кофеемъ, булкою и масломъ, такъ одѣшъ, что я насилу его узналъ.

Въ Монстріулѣ я обѣщалъ ему дать новую шляпу съ серебряною пуговицею и пеплицею, и чепыре Луидора, чѣшобъ одѣшься пощеголевашѣе, когда прѣѣдемъ въ Парижъ.— Надобно оплать справедливосшь бѣдному ла Флеру, чѣо онъ съ ними чудеса надѣлалъ.

Онъ купилъ чистый прекрасный кармазинный фракъ, и шшаны того же цвѣшу — они ни чѣмъ, сказалъ онъ не хуже новыхъ для носки — Я желалъ, чѣшобъ онъ пошолъ къ чоршу за шакія рѣчи — Они шакъ казались новы, чѣо хощя я и зналъ, чѣо не можно было спашься шому, однако хощѣлъ лучше забавляшь свое воображеніе шѣмъ, чѣо сдѣлалъ ему новые, нежели думать, чѣо они куплены въ ветошномъ ряду.

Такимъ образомъ облегчаютъ сердце въ Парижъ, то ешь, нося шарое плашье, думаютъ, чѣо оно новое.

Онъ купилъ шакже очень хорошей голубой апласной камзолъ со вкусомъ вышитый — Хощя онъ и

похуже былъ прежнихъ. его покупокъ, по тому что много былъ заношенъ, однако же очень хорошо былъ вычищенъ какъ онъ, такъ и шисье на немъ, которое было изъ золоша — словомъ сказашъ, онъ довольно былъ хорошъ — И понеже ашласъ былъ блѣдноватъ, шо онъ очень приспавалъ къ цвѣшу камзола и шпановъ — онъ также купилъ изъ шѣхъ денегъ новый кошеліокъ на волоса, и галсрукъ, и выпросилъ у вешошника золошья шлифы на шпаны — онъ купилъ кисейные манжеты; *хорошо* шисье, за свои собственныя девяносто шесть копѣекъ — и пару бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ, за рубль двадцашъ копѣекъ — чтобъ довершить все, природа дала ему прекрасный видъ и сшанъ, не взявши отъ него за шо ни полушки.

Въ шакомъ шо уборѣ, причесанъ будучи по самому высокому вкусу, и съ лучкомъ цвѣшовъ на грудяхъ, онъ вшелъ въ мою горницу. — Словомъ сказашъ, все около его пока-

зывало праздникъ; и я вдругъ догадался, что то было воскресенье — и что онъ вчера хошѣлъ у меня попроситься, чтобъ я ему позволилъ провести тотъ день, какъ и прочіе проводяшъ воскресный день въ Парижѣ. Я не успѣлъ еще окончить моей догадки, какъ *ла Флеръ*, съ покорнымъ, однакоже съ надежнымъ видомъ, какъ будто бы увѣренъ былъ, что я его опущу, спалъ проситься, *провести тотъ день съ своею любовницею.*

Что дѣлать? — Я самъ намѣренъ былъ провести тотъ день съ госпожею де Р. . . — Для того удержалъ карешу, и пріятно бы было моему щеславію, назади кареты имѣшь шоль хорошо убраннаго лакея, какъ *ла Флеръ*: онъ никогда мнѣ не былъ споль нуженъ.

Но мы въ подобныхъ затрудненіяхъ должны *чувствовать*, а не *умствовать* — Служители обоего пола въ своихъ договорахъ расстающся съ свободою, однако же не съ природою: *они суть также плоть и кровь,*

И будучи въ неволѣ, имѣютъ также свой родъ щеславія и вождедѣній, равно какъ и ихъ господа. — Правда, что они ошъ свободы сами опр-еклись за деньги — и часто шого шребуютъ, на что бы я иногда не захошѣлъ согласишься — но они шоль много намъ порабощены, что должно не рѣдко на ихъ шреванія соглашашься.

„Вошъ — вошъ я швой слуга!,, — сїи слова лишаютъ меня вдругъ силы и власпи господина.—

— Спунай, *ла Флеръ!* сказалъ я.

— Но какую шы любовницу, *ла Флеръ*, спросилъ я его, могъ найши въ Парижъ въ шоль короткое время? *Ла Флеръ* положи свою руку на грудь, сказалъ, что любовница его была *молодая дѣвушка* въ домѣ графа де Б.... — *Ла Флеръ* имѣлъ сердце созданное для сообщешва; и, сказашъ правду, шоль же рѣдко пропускалъ попадавшїеся ему случаи, какъ и господинъ его — шакъ, что — какъ нибудь — а какъ, право не знаю — онъ свелъ знаком-

спво съ помянушою дѣвушкою на поворотѣ лѣстницы у покоевъ графа въ то время, когда я забошлся о моемъ пашпортѣ; и какъ мнѣ довольно было времени склонить графа на свою сторону, такъ и ему не недосшавало; чшобъ склонить дѣвушку. Фамилія, по видимому, въ тотъ день была въ Парижѣ, то *ла Флеръ* съ одною дѣвушкою, можешъ бышь, съ двумя или съ тремя графскаго дому. большее завелъ знакомство на болверкѣ. (boulevards)

Блаженный народъ! ты по крайней мѣрѣ, единожды въ недѣлю забываешъ всѣ свои заботы и безпокойства; ты съ веселымъ сердцемъ въ пѣнїи и пляскѣ облегчаешъ бремя трудовъ и печали, удручающее другіе народы!

ОТРЫВОКЪ.

Парижъ.

Ла Флеръ оставилъ мнѣ чѣмъ забавляшся во весь день, и что не могло бы войши ни въ его, ни мою голову.

Онъ принесъ небольшой кусокъ масла на листъ смородины; и поелику ушро было очень шеплое, онъ попросилъ у меня лоскушкѣ не надобной бумаги, чшобъ подложилъ оный подъ смородинный листъ — понеже бумажный листъ былъ довольно широкъ, шо я приказалъ ему положить оный на столъ, а на немъ смородинный листъ съ масломъ; и какъ я рѣшился въ шомъ день не выходить изъ двора, шо приказалъ позвать ему шракирщика, чшобъ заказать обѣдъ, а меня одного осшавить за завшракомъ.

Сѣвши масло, я выбросилъ смородинный листъ, и хощалъ было шоже сдѣлать съ бумагою; — но прочитавши на оной первую шпичку, полюбопытшествовалъ прочесть другую и шрешью — По шомъ увидѣлъ, что больше стоишь: и шакъ зашворилъ окно, и подвинулъ мои кресла къ оному, чшобъ прочесть оставшееся на бумагѣ.

Она была писана на шаромъ Французскомъ языкѣ временъ Рабе-

лесовыхъ — а можешъ бышь и самымъ Рабелесомъ — сверхъ того Готическими буквами, копорыя ошъ мокрошы и времени очень загладились: для того мнѣ великаго шруда стоило, чшобъ прочешъ оныя. — Я бросилъ ее, и написалъ письмо къ *Евгенію* — по томъ опять поднялъ и спалъ вновь мучишь мое шерпѣнїе — и чшобъ излѣчишь оное — я написалъ письмо къ Елизѣ — но бумага все не выходила изъ моей головы, и шрудность разумѣшь оную, умножала шолько мое желанїе.

Пообѣдавши и просвѣпивши мой разумъ бушылкою Бургонскаго, я принялся опять за оную — и помучившись часа съ шри почти съ такимъ же вниманїемъ, съ какимъ чущь ли когда *Тротеръ*, или *Яковъ Слоуб* мучилися надъ ничего незначущемою надписью, представилось мнѣ, что я нашелъ шолкъ — но чшобы въ томъ увѣришься, я почелъ за лучшей способъ перевешъ ее на Аглинскій языкъ, и тогда посмошрѣшь, что она будешъ значишь — И шакъ я началъ

свой переводъ безъ прилѣжанія и не спѣша, какъ обыкновенно дѣлаютъ люди, занимающіеся какими нибудь не нужными бездѣлицами—напишу періодъ — по шокѣ пройду съ раза два по горницѣ — посмотрю въ окно на проходящихъ; и шакъ я его окончилъ не прежде девяти часовъ ночи — и тогда спалъ чисташъ какъ саѣдуешь.

ОТРЫВОКЪ.

Парижъ.

— „Ну! съ какимъ жаромъ жена „Ношаріусова спорила съ своимъ мужемъ — „я бы желалъ, сказалъ „Ношаріусъ, (бросивши на полъ свою „бумагу) что бы здѣсь былъ другой „Ношаріусъ, чшобъ записашъ эшо и „засвидѣшельсшвовашъ.

— „А чшобы шы тогда сдѣлалъ, „государь мой?, сказала она, вскоча со стула. —

— „Жена Ношаріусова была не „очень угомонная женщина; шо Ношаріусъ разсудилъ заблаго изба-

„вишься шуму кропкимъ опвѣшомъ—
 „я бы пошелъ, сказалъ онъ, въ посше-
 „лю — „по мнѣ поди ты хопя къ
 „чоршу! опвѣшшвовала его жена.

„И поелику въ домъ была шоль-
 „ко одна посшеля, а другія двѣ гор-
 „ницы, какъ обыкновенно бываешъ
 „въ Парижъ, не были убраны; по
 „мужъ не хопя спашъ на одной по-
 „шелъ съ женою, которая шолько
 „что послала его прямо къ чоршу,
 „взялъ шляпу и просшь, и надѣвши
 „корошинькую свою епанчу, пошелъ
 „спокойно къ *новому мосту* (pont neuf).

„Всякъ проходившій чрезъ новый
 „мостъ, признаешся, что онъ изъ
 „всѣхъ мостовъ, какіе шолько когда
 „нибуль соединяли землю съ водою на
 „лицѣ земномъ, былъ самый велико-
 „лѣпнѣйшій, — самой красивый —
 „самый легчайшій — самый длинный
 „— самый широкій.

(Изъ сего можно заключить, что со-
 „чинитель отрывка былъ не Французъ.)

Самой великой въ немъ недоспа-
 „шокъ, какой могущъ найши всѣ бо-
 „гословы и докшора Сорбонскіе, ешь

шомъ — что нѣтъ ни одного мѣста въ Парижѣ, въ которомъ бы, во время малѣйшаго вѣтра, произносили чаще: „Сакрѣ-Дзе! (Sacre Dieu) — И вы, господа! имѣете довольную нашо и неоспоримую причину, по шому что вѣтрѣ наносится на васъ нечаянно, и не кричишь: *берегись воды!* (Garde d'eau) и съ такимъ стремленіемъ, что рѣдко кто изъ переходящихъ черезъ оный въ шляпахъ не теряетъ двухъ ливровъ съ половинною, что есть полная цѣна шляпѣ.

„Бѣдный Потаріусъ проходя мимо будки, поднимая свою просшь, ненарочно сполкнулъ съ часоватаго шляпу, которую и снесло вѣтромъ прямо въ Сейну.

— „*Это худой вѣтрѣ*, сказалъ требецъ, поднимая оную.

„Часовой былъ Гасконецъ, и очень сердито закрушивши усы свои, приложился къ нему ружьемъ своимъ.

„Изъ ружей въ шѣ времена стрѣливали фишилями; по случаю у одной старушки при концѣ мосша

„задулъ въшеръ бумажный фонарь,
 „шо она пришла къ часовому по-
 „просишь фишиля, чшобъ засвѣ-
 „шишь свой фонарь — Гасконцова
 „кровь между шѣмъ нѣскольکو про-
 „сшыла, и онъ захошѣлъ сей случай
 „обратишь лучше въ пользу, нежели
 „въ мщеніе — „*Это худой вѣтръ,*
 „сказалъ онъ снявши съ Нотаріуса
 „шляпу, и извиняся гребцовою посло-
 „вицею.

„Бѣдной Нотаріусъ перешелъ
 „мостъ, и идучи по Дофиновой ули-
 „цѣ въ часть св. Жерменя, оплаки-
 „валъ свое состояніе по дорогѣ слѣ-
 „дующимъ образомъ —

„О сколь я несчастенъ! сказалъ
 „Нотаріусъ, что во всю жизнь мою
 „пребываю бурь и непогодъ игруш-
 „кою — на шо шолько и родил-
 „ся, чшобъ на меня и на званіе
 „мое бури злорѣчія устремлялись —
 „чшобы быть загнану громомъ цер-
 „кви въ бурю супружества, — выгна-
 „ну изъ моего дому домашними вѣш-
 „рами и лишену моей шляпы вѣшра-
 „ми Гасконскими — бышь здѣсь съ

„обнаженною головою въ вѣтреную
 „ночь и зависѣшь отъ милости при-
 „ключеній — куда мнѣ приклонишь
 „свою голову? — Нещасный я! —
 „Есть ли изъ шридцати двухъ вѣш-
 „ровъ на компасъ хотя одинъ, ко-
 „шорый можетъ душу на меня шак-
 „же, какъ и на прочихъ людей!

„Когда Ношаріусъ проходилъ
 „чрезъ узинькой и шемной переулочъ,
 „жалуясь такимъ образомъ, — вдругъ
 „услышалъ голосъ, кошорый прика-
 „зывалъ дѣвкѣ, чшобъ она позвала
 „ближайшаго Ношаріуса — и поелику
 „онъ былъ ближайшій, шо желая симъ
 „воспользоваться, пошелъ къ две-
 „рямъ, и прошедши чрезъ обешша-
 „лую залу, вшелъ въ пространную
 „горницу, въ кошорой ничего больше
 „не было, какъ длинное военное копье
 „— Панцырь — заржавѣвшая спа-
 „рая шпага — и протупея — кошо-
 „рья всѣ развѣшены были по стѣ-
 „намъ въ равномъ разстояніи.

„Одинъ старикъ, кошорый былъ
 „нѣкогда господиномъ, (и ештли
 „отъ умноженія лѣтъ не теряешся

„чистоша благородной крови, по онъ
 „былъ господинъ и въ самое то вре-
 „мя,) лежалъ на постелѣ облокотив-
 „шись, положи свою голову на ладонь;
 „подлѣ постели стоялъ маленькой
 „столикъ съ небольшою на немъ свѣч-
 „кою, близъ столика поставлены
 „были креслы.—Ношаріусъ сѣлъ въ
 „оня и вынувши свою роговую чер-
 „нилицу, и лиша съ два бумаги изъ
 „кармана, сѣлъ прямо прошиву его
 „—Омоча перо въ чернилицу и на-
 „клонившись на столъ, расположил-
 „ся писать шарикову духовную.

„Ахъ! господинъ Ношаріусъ, ска-
 „залъ господинъ, приподнявшись не-
 „много, у меня нѣчего ошказывать,
 „чтобы могло заплашить за труды
 „ваши, кромѣ исторіи о себѣ са-
 „момъ; я не могъ бы умереть спо-
 „койно не оставивши оной роду че-
 „ловѣческому: прибылъ ошъ продажи
 „оной я ошказываю вамъ за то, что
 „вы пишеть оную пошрудитесь —
 „сѣя исторія столь необыкновенна,
 „что ее должно чашать всему че-
 „ловѣческому роду — она сдѣласть

„щастіе вашему дому. Ношаріусъ
„омочилъ перо въ чернильницу. —

„Всесильный правитель всѣхъ
„приключеній въ моей жизни! ска-
„залъ пресшарѣлый господинъ, воз-
„водя съ благоговѣніемъ руки свои
„къ небу; „Ты, котораго десница
„завела меня чрезъ шоль спранные
„лабиринты на позорище опустоше-
„нія, помощи увядающей памяти пре-
„старѣлаго, дряхлаго, и сокрушив-
„шагося сердцемъ сшарца—направи
„мой языкъ духомъ швоея вѣчныя ис-
„пинны, чшобъ сей незнакомецъ ни-
„чего шакого не написалъ, чшо не
„написано въ оной *Книгѣ*, по запи-
„скамъ кошорой, (сказалъ онъ сжав-
„ши свои руки,) „я долженъ или
„осужденъ бышь, или оправданъ!,,

— „Ношаріусъ держалъ конецъ
„своего пера, между своимъ глазомъ
„и свѣчкою.

„Эшо шакая исторія, господинъ
„Ношаріусъ, сказалъ господинъ,
„чшо во всей природѣ возбудишь со-
„спраданіе — Она челоувѣколюбиваго

„убьешь, и въ самомъ жестокосер-
домъ произведешь сожалѣнїе.,,

„Въ Ношарїусѣ возгорѣлось жела-
нїе, чшобы начашь оную, и для
шого онъ омочилъ перо въ претїй
разъ — а старый господинъ обо-
рошась нѣсколько къ Ношарїусу, на-
чалъ оную слѣдующими словами: —

„Да гдѣжъ прочее *ла Флеръ?*
сказалъ я, по шому чшо онъ въ са-
мое то время вшелъ въ горницу.

ОТРЫВОКЪ

и

Пугокъ цвѣтовъ.

Когда *ла Флеръ* подошелъ близко
къ столу и узналъ, чшо мнѣ надобно,
сказалъ, чшо у него и было шолько
два листа; другимъ изъ нихъ об-
вернулъ онъ пучокъ цвѣшовъ, кошо-
рые опдалъ дѣвушкамъ на болверкѣ —
Такъ пожалуй, *ла Флеръ!* побѣги
назадъ въ Графской домъ и досшань
его, ешшли можешь — Нѣшъ сомнѣ-
нїя, сказалъ онъ и побѣжалъ.

Чрезъ нѣсколько минушъ бѣдной
ла Флеръ возвращился назадъ весь

запыхавшись; на лицѣ его видны были самыя глубочайшіе знаки неудовольствія, какіе могутъ только произойти отъ того, что онъ не могъ отыскать отрыва — Боже мой! не прошло почти двухъ минутъ какъ бѣдницей *ла Флеръ* прѣшилъ съ своею нѣжною любовницею — а она уже *залогъ любви* его отдала Графскому лакею, а шестъ пирожницъ, пирожница скрипачу, съ моимъ отрывкомъ — наши несчастія были совокуплены — я вздохнулъ, а *ла Флеръ* на мой вздохъ отшвѣщивалъ своимъ вздохомъ. —

Какое вѣроломство! воскликнулъ *ла Флеръ* — „какое несчастіе! сказалъ я.

„Я бы не беспокоился, сказалъ *ла Флеръ*, естли бы она его пошеряла — и я такъ же, *ла Флеръ*, отшвѣщивалъ я, естли бы нашелъ его.

ДѢЙСТВІЕ БЛАГОТВОРЕНІЯ.

Парижъ.

Человѣкъ, который или изъ преврѣнія, или отъ страха не любитъ вхо-

дишь въ темное мѣсто, можешь бышь добрый человекъ и способенъ къ тысячѣ вещамъ, однако онъ не способенъ бышь разсудительнымъ путешественникомъ. Я мало заключаю о шѣхъ, кошорые въ полдень прохаживающся по открытымъ и широкимъ улицамъ — Природа стыдлива, и не любитъ дѣйствовать предъ зрителями: въ непримѣченномъ уголкѣ увидишь иногда такое ея явленіе, кошорое произведетъ въ тебѣ превосходнѣйшія чувствованія, нежели дюжина Французскихъ комедій вмѣстѣ — однакожъ и Французскія комедіи *совершенно хороши* — и когда я ни говорю о какомъ нибудь важномъ предметѣ, то всегда сочиняю мои проповѣди изъ нихъ: ибо они спелько же приличествуютъ проповѣднику, сколько и герою — и для темы — *Калладокія, Понтъ и Асія, Фригія и Памфилія* — спелько же хороши, какъ и всякая тема изъ Библии.

Изъ комической оперы ешь длинной и темной проходъ въ узкую

улицу; чрезъ него ходящъ не многіе, кои смирно и безъ крику дожидаются своего извозчика; или желающъ спокойно по окончаніи оперы ийти домой пѣшкомъ. При концѣ онаго къ пешпругу горитъ не большая свѣчка; но она поставлена больше для украшенія, нежели для пользы — свѣтъ ея шеряется, прежде нежели успеешь пройти половину прохода — она подобна звѣздѣ самой малой величины, которая хотя горитъ — но мало пользы дѣлаетъ намъ извѣстному свѣту.

Возвращаясь по сему проходу, я примѣшилъ въ пяти, или шести шагахъ отъ дверей оперы, двухъ госпожъ, которыя сшояли спиною къ сѣнѣ, держа одна другую за руку; и, какъ я воображалъ, дожидались своего извозчика — понеже онѣ стояли ближе къ дверямъ, то я думалъ, что они имѣли большее право; и такъ я спалъ отъ нихъ на аршинъ, или не много побольше — и понеже я былъ въ черномъ плащѣ, то меня чуть было видно.

Госпожа, которая стояла ближе ко мнѣ, была высокая, сухощавая женщина, лѣтъ около тридцати шести; а другая того же росту и сложенія, только была лѣтъ около сорока: ни въ одной не было признаку, замужная ли она, или вдова — онѣ обѣ казались бышь *Весталки*, неукрощенныя любовными обхожденіями: я бы желалъ сдѣлать ихъ щасшливыми; но щаспю ихъ назначено прийти съ другой стороны.

Тихій голосъ, съ великимъ выраженіемъ и умиленіемъ между ними просилъ двенадцати копѣекъ для любви къ Богу. Мнѣ странно то показалось, что прошакъ назначилъ число, сколько ему дать — и что сумма въ двенадцать разъ больше, нежели какую обыкновенно даютъ въ шемношѣ. Они сами тому удивились столько же, какъ и я. — Двенадцать копѣекъ! сказала одна — Двенадцати копѣешникъ! сказала другая — и не дали отвѣшу.

Прошакъ сказалъ, что онъ не зналъ какъ просить у такихъ господъ; и сдѣлалъ имъ поклонъ до самой земли.

Да что? сказали они — у насъ денегъ нѣтъ. Прошакъ замолчалъ на минушу или на двѣ; по шомъ возобновилъ опять свое прошеніе.

Не зашыкайте своихъ ушей отъ меня, прекрасныя, милыя госпожи!

„Право, добрый человекъ! сказала младшая, у насъ нѣшу мѣлкихъ. — „Дай Богъ вамъ щастіе, сказалъ бѣд- „някъ; и да умножитъ ваши радости, „которыя вы можете давать другимъ „безъ замѣны., — Я примѣшилъ, что старшая опустила свою руку въ карманъ — „я посмотрю, сказала она, нѣтъ ли у меня копѣйки. — „копѣйки! пожалуйте двенадцать копѣекъ, сказалъ прошакъ. „Природа была щедра къ вамъ, будьте и вы щедры къ бѣдному человеку.

„Я бы отъ всего сердца, мой „другъ! дала, ешьлибъ у меня бы- „ли, сказала младшая.

„Моя щедрая красавица! сказалъ онъ, говоря къ старшей —, что, еслили не добродѣшель ваша и челоуѣколюбіе дѣлающъ глаза ваши столько пріятными, что они блескомъ своимъ превосходящъ даже и самую зарю въ темномъ семъ мѣстѣ? И что заспавило Маркиза де Саншеръ и его брата, говоришь о красотѣ вашей шоль много, когда они проходили мимо васъ?

Госпожи сими словами казались бытъ очень пронухы; и вдругъ вынули по двенадцашикопѣшнику.

Споръ между ими и прошакомъ кончился — онъ спорились шолько между собою, кошорая должна дашъ двенадцашикопѣшникъ — и чшобы кончить споръ, онъ обѣ дали вмѣстѣ. и прошакъ пошелъ прочь.

ЗАГАДКА ИЗЪЯСНЕННАЯ.

Парижъ.

Я поспѣшно пошелъ за прошакомъ: эшо былъ шоль же самой челоуѣкъ, кошорый успѣхомъ своимъ въ выпрашиваніи милосшыни у женщинъ при дверяхъ шракшира сдѣ-

лалъ мнѣ шрудную загадку — одна-кожѣя оную опгадалъ, или по крайней мѣрѣ узналъ основаніе оной — эшо было *ласкательство*.

Сладкое пишіе! сколько ты оживляешь природу! всѣ силы и слабости оной на швоей споронѣ! сколь пріятно ты мѣшаешься съ кровію и помогаешь ей чрезъ шрудныя извилины проходить до сердца!

Бѣднякъ для сего случая имѣлъ довольное время: для шого и далъ сладкаго пишья сего большую чашу: безъ сумнѣнія для разныхъ и скорыхъ случаевъ имѣлъ и меньшія чаши; но какъ онъ дѣлалъ сосшавы свои съоль сладкими — о томъ я не забочу своего разума — довольно, что прошакъ чрезъ ласкательство досталъ два двенадцатишопѣшника — Прочее могутъ сказашъ лучше шѣ, кошорые пріобрѣли гораздо болѣе чрезъ оное.

ПАРИЖЪ.

При выходѣ въ свѣшъ мы больше получаемиъ услугъ, нежели оныя дѣлаемиъ другимъ; вы береше увяд-

шее дерево, садите его въ землю и поливаете его, по тому что вы его посадили.

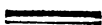
Господинъ Графъ де Б . . . для того что сдѣлалъ мнѣ одну услугу въ доставленіи пашпорта, захошѣлъ продолжатъ и сдѣлать другую: въ нѣсколько дней, которые онъ пробылъ въ Парижѣ, познакомилъ меня съ нѣкоторыми знашными людьми; они меня познакомили съ другими, и шакъ далѣе.

Мнѣ весьма прилично показалось основательнѣе изъяснить мою шайну, дабы сдѣланную мнѣ честь обратить себѣ въ нѣкошорую пользу: безъ того, какъ обыкновенно случается, я бы у каждаго пообѣдалъ или поужиналъ раза два кругомъ, и потомъ переводя Французскіе взоры и шѣлодвиженія на Англинскіе, вдругъ бы увидѣлъ, что получилъ золошо изъ споловаго прибора какого нибудь любезнѣйшаго гостя, и слѣдовательнѣе осшавилъ бы всѣ мѣста шолько по тому, что не могъ сбе-

речь ихъ — Какъ бы то ни было, дѣло шло не худо.

Я имѣлъ честь бышь представляень сшарому Маркизу де Б Въ молодыя свои лѣта онъ ошличилъ себя въ подвигахъ при дворѣ Богини любви: и съ шѣхъ поръ видны въ немъ и шеперь любовныя уловки — Маркизъ де Б . . . желалъ, чшобъ вѣрили, что эшо было гдѣнибудь индѣ, а не въ его головѣ. — Онъ желалъ побывашъ въ Англии — и много спрашивалъ объ Англинскихъ красавицахъ. — „Я прошу васъ, „господинъ Маркизъ ! ошаньшеся „шамъ, гдѣ вы находишесь, сказалъ я: — Господа Англичане сами едва могутъ получишь ошъ нихъ ласковый видъ. — Маркизъ пригласилъ меня къ ужину.

Господинъ П. . . . главной опкупщикъ шолько же спрашивалъ меня о нашихъ налогахъ — „Я слышалъ, говорилъ онъ, „они очень велики., — Ешьлибъ мы шолько знали, какъ собирашъ ихъ, сказалъ я — и сдѣлалъ ему низкой поклонъ.

По помѣ господинѣ П. . . . пригласилъ меня къ себѣ на концертъ.

Я не знаю по какой причинѣ я былъ представленъ госпожѣ де К. . . . какъ остроумъ. Госпожа де К. . . . была сама остроумница: она нестерпиво желала меня видѣть и слышать. Я не прежде взялъ креслы, какъ узналъ, что ей не было нужды, остроумъ ли я, или нѣтъ — Она однакожь дала мнѣ знать, что она была остроумница. — Я небожъ клянусь, что мнѣ не удалось сказать ни одного слова.

Госпожа де В. . . . божилась всякому, съ кѣмъ ни встрѣчалась, — что она во всю жизнь свою ни кѣмъ не была такъ довольна, какъ мною.

Владычество женщины Французской имѣетъ три эпохи — Сперва она *Кокетка* — по помѣ *Действ* (*) — наконецъ *набожная*: она чрезъ все сіе время не теряетъ своего владычества, но только перемѣняетъ под-

(*) Действомъ называется такой человекъ, копорой кромѣ одного Бога ни какому откровенію не вѣришь.

данныхъ — когда шридцать пять лѣтъ и больше лишашъ ее любовныхъ невольниковъ; тогда она населяешъ свои владѣнїя рабами невѣрїя — а послѣ рабами церкви.

Госпожа де В. . . . колебалась между двумя первыми эпохами; роза въ щекахъ ея увядала очень скоро — Она должна бышь лѣтъ пять. *Действительнѣе*, прежде нежели я имѣлъ честь ее видѣшь.

Она посадила меня на шойже софѣ, на кошорой сама сидѣла, для того чшобъ было ближе разговаривашъ о членахъ вѣры — Однимъ словомъ, госпожа де В. . . . сказала миѣ, что она ни чему не вѣрила. Я сказалъ госпожѣ де В. . . ., что эшо должно бышь основанїемъ въ ея поведенїи; однако же, я увѣренъ въ шомъ, прибавилъ я, что она не можешъ найти себѣ никакой прибыли, напададая сама на вншнїя свои защиты, безъ кошорыхъ я не понималъ, какъ бы такая крѣпость красотъ, какъ ея, могла бышь защищаема — Чшобъ нѣшъ ничего въ свѣшъ опаснѣе

какъ красота бышь *Действомъ* —
 Что священное писаніе обяываетъ
 меня не сокрыть того отъ ней —
 что я не просидѣвши съ нею пяти
 минутъ на софѣ вмѣстѣ, спалъ уже
 дѣлать умыслы — и что другое,
 естли не чувствованія вѣры, и увѣ-
 реніе, произведенное оными въ ея
 сердце, могли укрошить оныя въ то
 самое время, когда онѣ раждались.

„Мы не Адаманты, сказалъ я,
 „взявши ее за руку; пошребны намъ
 „всякаго рода узы, пока спаросшь
 „вкрадешся и наложишь на насъ свои
 „оковы — Однако, милоспивая госу-
 „дарыня!„ сказалъ я, цѣлуя ея ру-
 ку — на васъ ей наложишь оныя
 еще рано — очень рано!

Я увѣряю, что по всему Парижу
 разнеслось, будто я обрашилъ гос-
 пожу де В. . . . Она утверждала то
 господину де Д. . . . и Аббату М. . . .,
 что въ полчаса я больше наговорилъ
 ей въ защищеніе откровенной вѣры,
 нежели вся ихъ Энциклопедія про-
 шиву оной — Я потчасъ былъ впи-
 санъ въ дружескую бесѣду госпожи

де В. . . — И она опложила эпоху *Дезма* на два года.

Я помню, что это было въ сей бесѣдѣ, и въ срединѣ разговора, въ кошоромъ я доказывалъ необходимость *Первой Пригнны* какъ молодой Графъ де Фенеанъ, взявши меня за руку, опозвалъ въ дальній уголъ комнашы, чшобъ сказать мнѣ, что галсшукъ у меня на шеѣ повязанъ былъ очень шуго — онъ долженъ бышь повязанъ *свободнѣе*, сказалъ Графъ, смѣшря на свой — „Но, гос-
„подинъ Иорикъ! одного слова до-
„вольнo мудрому, —

„И отъ мудраго, господинъ
„Графъ! опшвѣшшвовалъ я, поклонясь
ему — „довольно.

Никшо меня во всю жизнь мою съ такимъ жаромъ не обнималъ, какъ обнялъ меня графъ де Фенеанъ.

Чрезъ шри недѣли сряду, съ кѣмъ я ни встрѣчался, всякой говорилъ, —
„Право, этотъ гослодинъ Иорикъ
столько же цлѣонъ, какъ и мы! —
Онъ разсуждаетъ хорошо, сказалъ
другой. — Это доброй малой!, ска-

залъ претій. — И на эштоу щетъ я могъ бы ѣсть, пишь и веселишься, во всю мою жизнь въ Парижѣ; но разщотъ былъ безчестенъ — мнѣ скоро спало спыдно — эшо былъ выигрышъ невольника — всякое чувспвіе чести буншовало прошиву онаго — чѣмъ выше я возвышался, тѣмъ больше понуждаемъ былъ соспавляшь о себѣ *нищетскую систему* — чемъ лучше дружеская *бесѣда*, тѣмъ больше чадъ припворства — я съ неперпѣливостію желалъ чадъ природы: и въ одну ночь, послѣ подлѣйшаго моего раболѣпства полдюжинѣ разныхъ людей, мнѣ спало шошно — я пошелъ въ постелю — приказалъ *ла Флеру* заказать поушру лошадей для выѣзду въ Ишалію.

МАРІЯ.

Мулинѣ.

Никогда еще до сего времени не чувспвовалъ я шого замѣшашельства, въ кошорое приводитъ изобиліе. Ёхашъ черезъ Бурбоне, пріяшнѣй-

шую чашу Франціи, во время собиранія винограда — когда Природа дары свои со изобиліемъ изливаєтъ на чадъ своихъ — когда всякое око съ благодарносцію взираетъ на небо — когда поселяне по музыкѣ работаютъ, и въ веселіи складываютъ зрѣлыя кисши — Боже мой! какая богатая матерія для двадцати томовъ, еспьлибы захошѣлъ я описывать всѣ чувства моего сердца, которое воспламенялось при видѣ каждой ликующей толпы! Сколько приключеній на всякой милѣ! — Но у меня ошалось уже, къ несчастію, не много бѣлыхъ страницъ, и половину оныхъ должна заняла бѣдная *Марія*, которую другъ мой *Шанди* видѣлъ близъ Муленя.

Исторія рассказанная имъ о сей помѣшанной дѣвушкѣ не мало пронула меня въ чшеніи; и когда приблизился я къ мѣсту ея жилища, то она столь живо представилась душѣ моей, что я не могъ прошившись желанію провѣдать объ ней, и поворошилъ въ шу деревню, въ которой жили ея родители, и до ко-

порой отъ большой дороги было меньше мили. —

Пусть назовутъ меня рыцаремъ *легальнаго* образа, ищущимъ меланхолическихъ приключеній; однакожь — не знаю, отъ чего — только въ минуты горести бываю я всегда больше увѣренъ въ существованіи души моей.

Спаруха мать *Маріи* отворила дверь, и по глазамъ ея узналъ я все то, что она мнѣ послѣ словами рассказала. Мужъ ея былъ уже на томъ свѣтѣ; онъ умеръ за мѣсяць передъ тѣмъ съ печали о своей дочери. — Сперва боялась я, сказала она, чтобы бѣдная *Марія* не лишилась отъ этого и послѣдняго разума; однакожь напрошивъ того, это несчастіе привело ее нѣсколько въ себя — только она все еще не можетъ уснокоиться. Бѣдная — (пусть слезы покапались изъ глазъ ея) бѣдная вѣрно и теперь бродитъ гдѣ нибудь около деревни — Отъ чего пульсъ мой бьется такъ помно, когда я пишу сіе? И отъ чего *ла Флеръ*,

кошорото еердце , казалось , для одной радости было создано — два раза ушпираль глаза рукою , когда старуха говорила съ нами? Я велѣль поспиліону поворошишь опяшь на дорогу — Не доѣзжая за полмили до Муленя — на узенькой пропинкѣ , ведущей опѣ дороги къ часшому кустарнику — увидѣль я бѣдную *Марію* сидящую подѣ Ивою — Облокошаясь одною рукою на колѣно , сидѣла она подгорюнившись — У подошвы дерева шекъ маленькой ручеекъ.

Велѣвъ поспиліону ѣхашь съ коляскою въ Мулень , а ла *Флеру* , заказашь въ шракширѣ ужинѣ , осшался я на дорогѣ съ *Марією* . Она была въ бѣломѣ плашьѣ , и почти точно такѣ , какѣ мой пріятель описалѣ ее ; кромѣ того , что волосы ея , подобранные тогда въ шелковую съпочку , были уже со всѣмѣ распушены . Черезѣ плечо висѣла у нее ленточка блѣднозелената цвѣша , на кошорой повѣшена была ея свирѣль . Въместо козочки , кошорая измѣнила ей также

какъ и любовникъ — была у нее маленькая собачка, привязанная веревочкою къ ея поясу; и когда я взглянулъ на нее, она пошянула ее къ себѣ и сказала: „ты не покинешь меня, Сильвіо!“, Я посмошрѣлъ *Марію* въ глаза, и увидѣлъ, что она думала болѣе объ ошцѣ своемъ, нежели о любовникѣ и невѣрной своей козочкѣ; по тому что въ сію минушу кашились слезы изъ глазъ ея.

Я сѣлъ подлѣ нее, и *Марія* позволила мнѣ ошереть слезы ея плашкомъ моимъ. По шомъ я свои обшеръ — по шомъ опять ея — по шомъ свои; и въ сіе время сердце мое наполнилось шакими чувствами, кошорыя конечно не могли произойти шолько ошъ нѣкошораго соединенія матеріи съ движеніемъ.

У меня шочно ешть душа, и никакой Материалистъ не увѣритъ меня въ прошивномъ.

МАРІЯ.

Когда *Марія* пришла не много въ себя, я спросилъ ее, не помнитъ

ли она одного блѣднаго, сухоощаваго
 человѣка, кошорой за два года пе-
 редѣ шѣмѣ сидѣлѣ между ею и ма-
 ленькою ея козочкою? Она отвѣчала,
 что душа ея была тогда въ вели-
 комѣ безпорядкѣ, но что она по-
 мнишѣ его по двумѣ обстоятель-
 ствамѣ: первое по тому, что эшошѣ
 человѣкѣ, казалось, сердечно жалѣлѣ
 обѣ ней; а второе по тому, что ея
 козочка украла у него плашокѣ, и
 что она била ее за сѣю кражу. „Я
 вымыла его въ ручейкѣ, продолжала
 она, и сѣ того времени держу его
 всегда въ карманѣ, чшобѣ ошдашѣ
 хозяину, ешли когда нибудѣ его у-
 вижу; а онѣ, кажешѣ, обѣщалѣ въ
 другой разѣ приѣхашѣ ко мнѣ.„ Ска-
 завѣ сѣе, вынула она плашокѣ изѣ
 кармана, чшобы показашѣ его мнѣ.
 Онѣ завернушѣ былѣ очень искусно въ
 виноградныя листы, и обвишѣ листо-
 выми жилками: развернувѣ его, уви-
 дѣлѣ я на одномѣ концѣ букву S.

Марія рассказала мнѣ, что по-
 слѣ того была она въ Римѣ, обошла
 разѣ вокругѣ церкви св. Петра,

и возвратилась назадъ; что она одна пробралась черезъ Аппенинскія горы, безъ денегъ прошла чрезъ всю Ломбардію, и безъ башмаковъ шла по каменистымъ дорогамъ Савоіи. „Какъ все это я перенесла, примолвила она, не могу понять; но Господь небесной угрожаетъ въ шрѣ для сприженного агнца.,,

„Беззащитнаго, слабаго Агнца! „сказалъ я — и если бы ты была „въ моемъ отечествѣ, гдѣ у меня „есть хижина, но я взялъ бы и ук- „рылъ тебя въ ней; ты ѣла бы одинъ „хлѣбъ со мною, и пила бы изъ соб- „свенной моей чаши; я нѣжилъ бы „швоего Сильвія; во всѣхъ припадкахъ, „во всѣхъ твоихъ странствіяхъ хо- „дилъ бы за тобою и приводилъ те- „бя назадъ въ хижину нашу — по „захожденіи солнечномъ возсылалъ „бы къ Богу свою молитву, и по „шомъ просилъ бы тебя играть на „свирѣли вечернюю пѣснь твою — „куреніе жершвы моея, восходя на „небеса вмѣстѣ съ Тиміамомъ сокру- „шеннаго сердца, удостоилось бы

„благволенія Всевышняго.,“

Вся внутренность моя была въ движеніи . когда я произносилъ сѣи слова. *Марія* , видя , что плашокъ мой , кошпорой вынулъ я изъ кармана , былъ уже очень мокръ , непременно хопѣла вымышь его въ ручейкѣ . — А гдѣ же ты высушишь его , *Марія*? сказалъ я . — „Я высушу его на „сердцѣ своемъ , отвѣчала она : мнѣ „отъ этого будешь лучше ., — Развѣ твое сердце все еще горячо , *Марія*? спросилъ я .

Симъ вопросомъ пронулъ я струну всѣхъ ея горестей . Она смотрѣла на меня нѣсколько времени съ замѣшательствомъ ; по томъ , не сказавъ ни слова , взяла свою свирѣль и заиграла вечернюю пѣснь Богомашери . — Струна . мною пронутая , пересцала наконецъ шренеташъ — черезъ минушу , или черезъ двѣ , *Марія* пришла въ себя , бросила свою свирѣль и вспала .

Куда ты идешь , *Марія*? спросилъ я . Въ Мулинъ , отвѣчала она . — Пойдемъ вмѣстѣ , сказалъ я . — *Марія*

подала мнѣ руку, и опустила веревочку, что бы собачка могла свободно бѣжать за нами — такимъ образомъ вошли мы въ Мулинѣ.

МАРІЯ.

Мулинѣ.

Хотя я и нелюблю ни какихъ публичныхъ извясненій дружества; однакожъ на рынкѣ въ Мулинѣ остановился, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на *Марію* и навсегда проститься съ нею.

Марія была хотя не высокаго роста, однакожъ очень стройна. — Горещь напечатлѣла на лицѣ ея нѣчто небесное — Она все еще была нѣжна — и все, чего сердце мое желаетъ, и чего глаза мои ищутъ въ женщинѣ, все то видѣлъ я въ *Маріи*. Ахъ! естли бы душа ея когда нибудь могла исцѣлилась, и естли бы въ моей душѣ когда нибудь загладились черты любезной *Елизы*: то она не только бы ѣла хлѣбъ мой и пила изъ одной чаши

со мною, но и покоилась бы въ моихъ объятіяхъ — я бы любилъ *Марію*, какъ дочь свою.

Прости, бѣдная, несчастная *Марія*! Да облегчай скорбь твою елей и вино, изливаемые сожалѣніемъ сиротника на раны твои! Тотъ, кто дважды поразилъ себя, можетъ одинъ исцѣлишь оныя навсегда.

БУРБОНЕ.

Я думалъ веселишься въ путешествіи своемъ по симъ прекраснымъ мѣстамъ и въ сіе прекрасное время; но сердце мое, вкусивъ горести, не могло уже радоваться. Во всякой картинѣ праздника видѣлъ я передъ собою *Марію*, печально сидящую подъ ивою, и почти до самаго Люна сей образъ былъ живъ въ душѣ моей.

— Любезная чувствительность, неиспощимый источникъ живѣйшихъ удовольствій и горестей нашихъ! ты обременяешь цѣпями своего мученика на соломенномъ одрѣ его,

шы же и на небеса его возносишь — Вѣчная причина нашихъ чувствованій! *Твое Божество движется въ моемъ сердцѣ* — не въ шѣ печальныя, болѣзненныя минушы, когда душа моя содрогается и трелещетъ разрушенія — (какія пышныя слова!) — но шѣгда, когда чувствую благородныя радости и печали, возвышающія душу мою. Все пр исходитъ отъ тебя, великая уша міра! Ты чувствуешь, когда колесѣ съ головы нашей падешъ на землю въ опдаленнѣйшей пущынѣ швоего творенія! Тобою побуждаемый дражайшій Евгенийъ опдергиваетъ занавѣсъ у моей постели, когда я въ болѣзни шомлюся; слушаешь испорію моихъ припадковъ, и жалуешься на погоду, производящую безпорядокъ въ его нервахъ. Ты смягчаешь сердце самаго грубаго пасуха, на самыхъ хладныхъ горахъ живущаго. Онъ находить разшерзаннаго агнца изъ чужаго спада — и въ сію минушу вижу я его печально опирающагося на свой посохъ, и съ жало-

стїю смопрящаго на бѣдную шварь.
 — *Ахъ, естли бы пришелъ я сюда
 полпрежде! Онъ кровью исходитъ* —
 Собственное сердце его кровью об-
 ливается. —

Миръ тебѣ, пасухъ великодуш-
 ной! Ты идешь съ горестїю ошъ се-
 го мѣсна, но радости тебя ожида-
 юшъ; ибо счаслива швоя хижина —
 счаслива подруга швоя — и сча-
 сшливы агнцы вокругъ тебя прыга-
 юще!

УЖИНЪ.

Какъ шолько мы спали подни-
 машься на гору Тавриру, подкова
 ошпала у коренной лошади; по-
 сшилїонъ слѣзъ и выкрушилъ оную
 изъ копыша; понеже на гору должно
 было поднимашься верстъ семь или
 восемь, и на оную лошадь мы боль-
 ше, нежели на другихъ, надѣялись;
 я кошѣлъ подковать лошадь шакъ,
 какъ бы мы могли; но посшилїонъ
 разбросалъ гвозди, а молошокъ ле-
 жавшїй въ ящикъ, никакой пользы

безъ гвоздей сдѣлать не могъ ; то я согласился , чшобъ продолжашь путь.

Мы неуспѣли проѣхашь еще и вершы , какъ наѣхали на кремнистую дорогу , и бѣдная лошадь потеряла другую подкову съ передней ноги ; тогда я изъ кареты вышелъ съ рѣшимельносшю , чшобъ подковать лошадь ; и увидя въ лѣвой споронѣ домъ на полвершы отъ дороги , уговорилъ поспиліона и то съ трудносшю , повернуть къ оному . Видъ дома , и всего окружающаго оный , какъ мы приблизились къ нему , подали мнѣ хорошую надежду къ поправленію нашего дѣла . — Это былъ небольшой земледѣльческой домъ , кошорый окружали около двадцати десятинь винограднику , и сполько же десятинь пшеницы и другаго хлѣба — и близъ самаго дому по другую сторону былъ огородъ на полторы десятины , наполненной всемъ , что можетъ составить изобиліе Французскаго крестьянина . — По другую сторону была не-

большая рощица, доставляющая все нужное къ содержанію онаго.

Около осьми часовъ тогда было, какъ я прѣхалъ къ дому — И такъ я оставилъ посшилѳона управляясь съ лошадью, какъ онъ можетъ, а самъ пошелъ въ домъ.

Семейство составляли, посѣдѣлый старикъ и жена его, пять или шесть сыновъ и зятей съ женами ихъ.

Они всѣ сидѣли вмѣстѣ за кашницею; большой пшеничной хлѣбъ лежалъ среди стола, и бушылки вина по обѣимъ концамъ обѣщевали веселіе всему пиршеству—это былъ пиръ любви.

Старикъ всмалъ, чтобъ меня встрѣшпшь, и съ почтительнымъ добросердечіемъ просилъ меня, что бы я сѣлъ за столъ — и такъ я безъ дальнихъ отговорокъ согласился на его прозьбу, какъ будто бы былъ одинъ изъ его семейства; чтобы какъ можно поскорѣе примѣнишься къ ихъ нравамъ, я попросилъ у шарика ножикъ, и ошрѣ-

залъ себѣ хорошей кусокъ хлѣба и мяса; и когда я рѣзалъ, то въ глазахъ каждого видѣлъ не только честное благопріятство, но и благодарность за то, что я не сомнѣвался объ ихъ доброжелательствѣ.!

То ли — или, скажи мнѣ природа! что другое сдѣлало сей кусокъ столь сладкимъ — и какому я волшебству одолженъ за то, что вино, которое я пилъ изъ ихъ бутылки, было столь сладко, что сладость его и теперь еще на моихъ губахъ?

Есѣли по вкусу моему былъ ужинъ — то благодареніе послѣдовавшее послѣ него, еще больше было мнѣ по вкусу.

БЛАГОДАРЕНІЕ.

По окончаніи ужина спарикъ постучалъ черенкомъ своего ножа объ столъ, чтобъ они пригошворялись плясать: какъ скоро знакъ былъ данъ, то женщины и дѣвицы побѣжали въ заднюю горницу, чтобъ за-

вязать свои волосы — молодые мужчины пошли къ дверямъ, умывашь свои лица и перемѣнишь обувь; въ при минушы всѣ были готовы, на небольшой передъ домою площадкѣ, начашь — старикъ и шаруха вышли послѣ всѣхъ и сѣли на софѣ изъ дерну сдѣланной, посадя меня между собою.

Старикъ около пятидесяти лѣтъ назадъ, нехудой былъ мастеръ и грашъ на рыляхъ — и, судя по лѣшамъ, онъ и тогда игралъ довольно хорошо на тогдашней случай. Жена его ~~также~~ припѣвала ему — по переспавала — по ояшь присоединялась, когда дѣши ихъ между шѣмъ плясали передъ ними.

Я не прежде, какъ по срединѣ второй пляски, по нѣкоторымъ ошановкамъ для возведенія очей къверху примѣшилъ въ нихъ возвышеніе духа, ошибнное ошъ того, которое бывашь причиною или слѣдствіемъ одной веселости — словомъ, мнѣ казалось, что богослуженіе мѣшалось въ ихъ пляску — но какъ

я онаго никогда не видалъ въ пляскѣ, но я могъ бы почестъ за привидѣнїе воображенїя, которое вѣчно меня обманываетъ, есшьли бы шарикъ по окончанїи пляски мнѣ не сказалъ — что онъ всегда шакъ пошупаетъ, и что во всю жизнь у него было правило, чтобъ послѣ ужина все семейство его плясало, и радовалось: ибо онъ вѣрилъ, что веселый и довольный духъ, самый лучший знакъ благодарности къ Богу, какой только можешь неученый поселянинъ сдѣлать —

—,И ученый священникъ, надлежитъ прибавить.

случай нѣжности.

Когда взбѣдешь на самый верхъ горы Тавриры, то вдругъ пустишься подъ гору прямо въ Лїонъ — Прощайтежь всѣ спремительныя движенїя! Эша дорога требуетъ осторожности и гораздо безопаснѣе для чувствованїй и мнѣнїй, чтобъ онъ не спѣшили; и шакъ я договорился

съ извощикомъ, чшобъ онъ взялъ пару лошаковъ (или муловъ) и помаленьку меня довезъ въ Туринъ чрезъ Швейцарію.

„Бѣдный, шерпѣливый, кропкѣй, честный народъ! не бойся; твоей бѣдности, сокровищницѣ твоихъ просныхъ добродѣтелей, не будешь свѣтъ завидовать, и никто не нападетъ на твои долины. — Природа! посреди твоихъ безпорядковъ и неуспроиствѣ, ты все благопріятствуешь угрюмымъ и уродливымъ твоимъ твореніямъ — При всемъ твоёмъ изобиліи великихъ твореній мало у тебя оспалось, что дашь косѣ или серпу — но сему малому ты даруешь безопасность и покровительство; сколь пріятны тѣ жилища, которыя споятъ такъ ограждены!

„Пусть изнуренный спранствованіемъ путешественникъ жалуется на нечаянные повороты и опасности дорогъ вашихъ — камни ваши — утесы — трудности восхождения — ужасы спускашься — не-

„преодолимая горы — водопады, ко-
 „шорые скашывають съ вершинъ горъ
 „великіе камни и заграждають ему
 „дорогу. — Цѣлой день поселяне
 опшдвигали сего рода камень между
 св. Михайломъ и Маданюю. И когда
 мой извощикъ доѣхалъ до сего мѣ-
 спа, шо и тогда еще оставалось
 работы на два часа, чшобъ сдѣлать
 какой нибудь проѣздъ; и такъ ни-
 чего неоставалось больше, какъ
 ждаль съ шерпѣніемъ. — Ночь бы-
 ла въ шо время мокрая и вѣшрѣ-
 ная: отъ шого, что мы ждали, и
 по причинѣ ненашья, извощикъ при-
 нужденъ, недоѣхавши пять верстъ
 до перемѣны, заночевать въ неболь-
 шомъ пристойномъ посшояломъ дворѣ
 подлѣ дороги.

Я вдругъ занялъ себѣ спальню
 — велѣлъ развесити большой огонь;
 заказалъ ужинъ; и благодарилъ небо,
 что небыло шого хуже — вдругъ ка-
 рета прѣехала съ госпожею и ея
 служанкою.

Понеже не было другой спальни
 во всемъ домѣ, шо хозяйка, безъ

дальнихъ околичностей ввела ихъ въ мою — говоря имъ на порогъ, что здѣсь никого нѣтъ, только одинъ Англинской господинъ — что есть двѣ хорошія постели, и прешья въ чуланчикъ. — По пону словъ, которымъ она говорила о третьей постелѣ, немного было можно заключить о ней — какъ бы то ни было, сказала она, есть три постели, и только три человека — и она смѣло можешь сказать, что господинъ все для нихъ сдѣлаетъ. — Я не далъ госпожѣ и минушы дѣлать о томъ догадки — и тотчасъ сказалъ, что я для нее все сдѣлаю.

Понеже это не означало того, что я уступаю совѣмъ спальню; но я еще почиталъ себя одной хозяиномъ — и шакъ я попросилъ госпожу сѣсть — подвинулъ для ней креслы въ теплѣйшее мѣсто — пошребовалъ дровъ — приказалъ хозяйкѣ сдѣлать ужинъ побольше и подать намъ лучшаго вина.

Госпожа не погрѣлась и пяти минушъ, какъ обратила глаза свои

на постели, чшобъ осмопрѣшь; и чѣмъ чаще оныя обращала, шѣмъ безпокойнѣе они возвращались — я безпокоился и о ней, и о себѣ; ибо для ея, и по самому общоюшельству, я въ шакомъ же замѣшательствѣ находился, какъ и сама госпожа.

И шо одно, что постели спояли въ одной комнашѣ, могло произвешти все сѣе—но припомъ онъ спояли одна подлѣ другой, и шакъ близко, что едва небольшому спульцу можно было спашъ между ними: почему еще большія раждались затрудненія — сверхъ шого онъ были ушверждены близъ огня; и съ одной стороны выпуклосшь печки, а съ другой большая перекладина черезъ горницу, соспавляли нѣкоторый родъ огородки, кошорая совсѣмъ не сходспвовала съ нѣжными нашими чувспвованіями.—

— При шомъ постели шакъ были малы, что и подумашъ не можно было, чшобъ госпожѣ лечъ вмѣспѣ съ служанкою на одной постелѣ: еспшли бы шо было возможно, шо

хотя бы я и легъ подлѣ нихъ, воображеніе не такъ бы безпокоилось.

Что касается до чуланчика, то онъ подавалъ, или малое ушѣшеніе, или совсѣмъ никакого: онъ былъ сыръ и холоденъ; и не было въ окнѣ ни стекла, ни намасленой бумаги для отвращенія ночной непогоды, а только была одна половина зашвора, и та изломанная. *Я не старался удерживать свой кашель, когда госпожа въ оный заглянула:* и такимъ образомъ осмалось выбирать одно изъ двухъ — или госпожа должна пожертвовать здоровьемъ своимъ своей спыдливости, и занять чуланчикъ сама, оставя постелю кошора подлѣ моей, для служанки — или служанка должна лечь въ чуланчикъ и проч. и проч.

Госпожа была Пиемоншка, около тридцати лѣтъ, въ щекахъ имѣла здоровый румянецъ — служанка была Лїонка, около двадцати лѣтъ; и была столь жива и проворна, какъ только можно бытъ Французской

дѣвкѣ. — Со всѣхъ сторонъ были шрудности — и препяшшвія, которыя намъ камень надѣлалъ на дорогѣ, и которыя насъ привели къ сему замѣшательству, однакожъ были ничто въ сравненіи шеперишнихъ зашрудненій-- Мнѣ ошашеся прибавишь шолько шо, что шяжешъ лежащая на нашихъ сердцахъ и ошѣ шого еще умножалась, что мы были очень шпыдливы, чтошбъ сообщишь свои чувствованія, при семъ случаѣ, другѣ другу.

Мы сѣли за ужинѣ; и ешълибѣ мы не имѣли лучшаго вина, нежели какое досшавишь можешъ маленькой постоялой дворѣ въ Швейцаріи, шо языки наши пребывали бы связанными до шѣхъ порѣ, пока бы нужда имѣ дала свободу — Госпожа имѣла нѣсколько бушылокѣ Бургонскаго вина въ своей карешѣ, и послала свою служанку, чтошбъ она принесла пару бушылокѣ онаго; и шакѣ лишь ужинѣ кончился, и мы ошались одни; шо мы почувшвовали себя вдохновенными

довольною смѣлостію, чтобъ говоришь откровенно о нашемъ положеніи. Мы оборачивали оное на всѣ спороны, брали его въ разныхъ видахъ и разсуждали о немъ цѣлые два часа; и наконецъ заключили шракшашъ по такой же формѣ, по какой дѣлаются мирные шракшашы — и я думаю, съ такимъ благочестіемъ и вѣрою съ обоихъ сторонъ, съ какимъ только можешь быть сдѣланъ шракшашъ, имѣющій честь дойти до пошомства.

Сшашы шракшаша суть слѣдующія:

1 я. Понеже *гослодинъ* (т. е. я) имѣетъ право надъ спальнею — то онъ почиая постелю, кошорая была ближе къ огню, теплѣйшею, уступаетъ оную госпожѣ.

Госпожа на эшо соглашается съ шѣмъ однакожъ, чтобъ, понеже занавѣсы у постели были изъ бумажной рѣдкой и прозрачной машерти, и едва могли сойшисъ вмѣстѣ, горничная дѣвушка или бы зашпилила ихъ,

или зашила шакъ, чшобъ они могли сочпены бышь довольною претрадою съ стороны господина. 2я. Требуешся съ стороны госпожи, чшобъ господинъ всю ночь лежалъ въ шлаффоркѣ.

Не принято: ибо господинъ не имѣешъ шлафрка, и чшо въ его чемоданѣ шолько и ешь, чшо шесшь рубашекъ и пара черныхъ шелковыхъ шпановъ.

Упоминовеніе шпановъ зашавило совсѣмъ перемѣнишь сію спашью потому, чшо штаны сочпены шолько же дѣйствительны, какъ и шлафрокъ; и шакъ положено, чшобъ я лежалъ всю ночь въ своихъ черныхъ шелковыхъ шпанахъ. 3я. Госпожа настояла, чшобъ господинъ, послѣ какъ ляжешъ въ постелю, и огонь съ свѣчею будущъ погашены, не говорилъ ни одного слова во всю ночь.

Господинъ согласился, съ шѣмъ шолько, чшобъ чшеніе его молишвъ

не сочтено было нарушеніемъ пракшапа.

Одинъ пунктъ только былъ забытъ въ семъ пракшапѣ, и оный соспоаялъ въ томъ, какимъ образомъ раздѣвасья госпожѣ и мнѣ ложасть въ постелю — одно было средство то сдѣлать, и я оное опгадасть оставляю чипашелю; и объявляю, есль ли оно ему покажется не самое нужнѣйшее въ природѣ, то причиною тому недоспапокъ его воображенія — на кошорое я не впервые жалуясь.

Когда мы легли въ постелю, то опъ новости ли положенія, или опъ другой какой причины, кошорой самъ не знаю, я не могъ зашворишь глазъ своихъ; я вершелся то на шу, то на другую спорону до самага вшораго часу за полночь; и тогда ушомаясь и вышедши изъ шерпѣнія —, Боже мой!, сказалъ я.

— Вы нарушили пракшапъ, государь мой!, сказала госпожа — кошорая не больше снала, какъ и я. — Я тысячу разъ просилъ у ней про-

щенія — и наспоаялъ, что то не что иное было, какъ шолько вздохъ къ Богу — Она ушверждала, что я совершенно пракашъ нарушилъ — я защищался условіемъ, упомянутымъ при концѣ прешьей спашьи.

Госпожа никакимъ образомъ не хотѣла уступить, хошя она чрезъ шо ослабила свое укрѣпленіе: ибо я слышалъ, что въ жару спора выпали двѣ или три булавки изъ занавѣса ея постели на землю.

„Клянусь честію, милосшивая государыня! сказалъ я, прощавуши къ ней руку съ постели съ движеніемъ увѣренія —

— (Я хотѣлъ прибавить, что я ни за что не нарушу благоврсшистойности) —

— *Мо горничная дѣвушка* услыша споръ нашъ и опасаясь, чтообъ не дошло дѣло до драки, вышла пошохоньку изъ чуланчика; и понеже

очень' было темно, но она вошла въ узинькой проходѣ между нашими постелями, и спала на одной линѣ между мною и госпожею —

И такъ я пропянувши свою руку, поймалъ горничную дѣвушку —

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.
